ТЕОДОРА ГОСС

СТРАННАЯ ИСТОРИЯ ДОЧЕРИ АЛХИМИКА

«Превосходная работа по возрождению легенды, выполненная с впечатляющими остроумием и проницательностью».

Publishers Weekly

Очень странный детектив

Теодора Госс

Странная история дочери алхимика

«Издательство АСТ»
2017

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Госс Т.

Странная история дочери алхимика / Т. Госс — «Издательство АСТ», 2017 — (Очень странный детектив)

ISBN 978-5-17-109395-2

Юная леди Мэри Джекилл, оставшаяся круглой сиротой после смерти матери, была готова мужественно влачить полунищенское существование. Однако на встрече с семейным адвокатом Мэри с удивлением узнает, что ее мать ежемесячно перечисляла внушительные суммы в приют для бедных девиц. Заинтригованная, Мэри едет туда и встречается с 14-летней Дианой Хайд, утверждающей, что они с Мэри — сестры. Именно так начинается история дамского клуба «Афина», невероятных приключений и расследования преступлений тайного общества алхимиков. А помогать мисс Джекилл в этом нелегком деле будут мистер Шерлок Холмс и доктор Ватсон. Впрочем, Мэри поможет знаменитому детективу распутать серию кровавых убийств в Уайтчепеле и выйти на след Джека-потрошителя.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-109395-2

© Госс Т., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Глава I 6
Глава II 17
Глава III 27
Глава IV 35
Глава V 47
Глава VI 57
Конец ознакомительного фрагмента. 60

Теодора Госс
Странная история дочери алхимика

Здесь обитают чудовища.

*** * ***

Мэри: – Не думаю, что это подходящий эпиграф для книги.

Кэтрин: – Тогда сама ее и пиши. Честно, просто не знаю, зачем я на это согласилась.

Мэри: – Потому что нам нужны деньги.

Кэтрин: – Как обычно.

Глава I
Девушка в зеркале

Мэри Джекилл смотрела в открытую могилу, куда опускали гроб ее матери.

“Я есмь воскресение и жизнь, говорит Господь”.

Снова начался дождь. Вернее, не дождь, а пробирающая до костей слякотная морось, означавшая лондонскую весну.

– Раскройте зонтик, моя милая, иначе промокнете, – сказала миссис Пул.

Мэри послушно раскрыла зонтик, хотя ей было все равно, промокнет она или нет. Вот они все стоят, собравшись вокруг прямоугольной ямы в земле серого кладбища Сент-Мэрилебон. Преподобный Уиттейкер читает молитвы по требнику. Сиделка Адамс выглядит мрачно – а разве когда-либо было иначе? Кухарка вытирает нос платочком. Энид, горничная, всхлипывает, уткнувшись Джозефу в плечо. Той частью разума, которая отвечала за оплату счетов и обсуждение хозяйства с миссис Пул, Мэри подумала, что надо бы поговорить с Энид – не слишком ли вольно та ведет себя с лакеем? Элис, судомойка, держится за руку миссис Пул. Сама экономка стоит с бледным и торжественным лицом – впрочем, опять-таки, это ее обычное выражение.

«Блаженны усопшие во Господе, ибо, говорит Дух, обретут они отдых от трудов своих».

На дне прямоугольной ямы стоял гроб, а в гробу лежала ее мать, одетая в голубое шелковое платье – свадебное, подобранное некогда под цвет ее глаз, теперь навеки закрытых. Одевая покойницу, Мэри и миссис Пул осознали, как она исхудала за последние несколько недель, совсем высохла. Мэри собственноручно расчесала седые волосы матери, все еще пронизанные нитями золота, и прикрыла прядями ее худые плечи.

«Ибо сие рек Ты при сотворении моем, говоря: прах ты, человек, и в прах возвратишься. Все мы возвращаемся во прах; но и во гробе мы будем воспевать – Аллилуйя».

– Аллилуйя, – отозвался нестройный хор, состоявший из миссис Пул, сиделки Адамс, кухарки, Джозефа и Элис. Энид продолжала всхлипывать.

– Аллилуйя, – с секундным опозданием произнесла Мэри, выбившись из общего ритма.

Она протянула зонтик миссис Пул, сняла перчатки и встала на колени у края могилы. Набрала в ладонь горсть земли и бросила ее на крышку гроба. Слышно было, как комочки дерна застучали по дереву – немногим громче, чем капли дождя. Сегодня пополудни могильщик насыплет над гробом аккуратный холм – так могила и останется до того дня, когда привезут надгробный камень с надписью *«Эрнестина Джекилл, любимая супруга и мать»*.

По крайней мере наполовину это правда.

Мэри не торопилась подняться с колен, хотя влага постепенно просачивалась ей сквозь подол платья и глубже, сквозь чулки. Наконец она встала и забрала у экономки свой зонтик.

– Миссис Пул, будьте добры, отведите всех обратно в дом. Мне нужно расплатиться с преподобным Уиттейкером.

– Да, мисс, – отозвалась миссис Пул. – Хотя не хотелось бы оставлять вас одну…

– Пожалуйста. Я уверена, Элис уже проголодалась. Обещаю, что совсем скоро к вам присоединюсь.

Сейчас она пойдет в церковь вслед за преподобным Уиттейкером и внесет пожертвование в реставрационный фонд прихода Сент-Мэрилебон. Но до этого ей хотелось провести несколько мгновений наедине с матерью. С тем, что осталось от Эрнестины Джекилл, запертой в деревянном ящике, о крышку которого стучали капли дождя.

Мэри: – А обязательно начинать со сцены похорон? Может, лучше с чего-нибудь другого? Я-то думала, ты сразу перенесешь читателя в гущу событий, так сказать, in medias res.

Прежде чем Мэри успела остановить ее, Диана нагнулась над трупом Молли Кин, пачкая в крови носки ботинок и край платья. Низко склонившись над убитой, она разжала ее закоченевшую руку и вытащила то, что девушка зажимала в кулаке: металлическую пуговицу.

– Диана! – воскликнула Мэри.

Мэри: – По-твоему, это in medias res? Никто же ничего не поймет, если у книги будет такое начало.

Кэтрин: – Тогда перестань наконец учить меня писать.

Не было смысла долго стоять здесь в бездействии. Тем более что Мэри сегодня ждало множество дел. Она взглянула на часы – уже почти полдень. Развернувшись, девушка прошла под серой аркой кладбищенских ворот и вошла в ризницу Сент-Мэрилебонской церкви, где ее ожидал преподобный. Целых десять фунтов в реставрационный фонд… Но, в конце концов, она же – мисс Джекилл, которую крестили и конфирмовали в этом приходе. Ей не положено жертвовать меньше.

Из тишины храма она вышла на шумную Мэрилебон-роуд, полную экипажей, и двуколок, и уличных торговцев, громко расхваливавших свой товар по обе стороны улицы. Хотя это было не по пути, она сделала небольшой крюк через Риджентс-парк. Обычно прогулка по парку придавала ей душевных сил, но сегодня даже розы, едва начавшие расцветать, клонили головы под тяжестью дождевой влаги, даже утки в пруду, казалось, были не в духе. К тому времени, когда Мэри дошла до респектабельного и солидного кирпичного здания – дома номер 11 по Парк-Террейс, где она прожила всю жизнь, – она окончательно устала и промокла, невзирая на зонтик.

Мэри сама открыла дверь – что, несомненно, должно было расстроить миссис Пул, – поставила зонтик в стойку и остановилась перед зеркалом в прихожей, чтобы снять шляпку. Увидев собственное отражение, она на миг замерла, словно зачарованная этим зрелищем.

Лицо, смотревшее на нее с той стороны зеркального стекла, было бледным, с темными кругами под глазами. Даже волосы Мэри, обычно средне-русого цвета, этим утром словно бы побледнели, выцвели на неярком свету, проникавшем сквозь узкие окошки по сторонам от входной двери. Она походила на покойницу.

Я нарочно остановилась на том, как Мэри рассматривает себя в зеркале, потому что это – история о чудовищах. А все такие истории обязательно должны включать сцену, когда чудовище видит свое отражение. Помните чудовище Франкенштейна, пораженное собственным отражением в лесном озере? Тот самый момент, когда он осознает свое уродство.

Мэри: – Я никакое не чудовище, а помянутая книга – одно сплошное вранье. Окажись здесь миссис Шелли, я бы дала ей пощечину за все проблемы, которые она породила.

Диана: – Я бы на это с удовольствием посмотрела!

– И что ты теперь собираешься делать? – спросила Мэри у девушки в зеркале.

– Только не начинайте разговаривать с собой, мисс, – сказала миссис Пул у нее за спиной. Мэри вздрогнула и обернулась. – Это слишком напоминает мне о вашей бедной матушке.

Как она расхаживала взад-вперед по своей спальне, пока не протерла ковер почти до дыр. И разговаривала невесть с кем.

– Не волнуйтесь, миссис Пул, – ответила Мэри. – Я не намерена сходить с ума – по крайней мере сегодня.

– Как вы только можете шутить такими вещами, просто не понимаю! Да еще и сразу после ее похорон, – экономка неодобрительно покачала головой. – Не хотите выпить чашечку чаю? Я затопила в гостиной камин. Кухарка говорит, обед будет готов через полчаса. А еще тут вам письмо пришло, от мистера Геста. Я нашла его в почтовом ящике сразу по возвращении. Отнесла его вам на чайный столик.

Письмо от мистера Геста, поверенного матери. То есть теперь, очевидно, ее собственного поверенного – хотя Мэри сомневалась, что мистер Гест захочет заниматься ее делами. Со смертью матери все изменилось…

– Спасибо, миссис Пул. Можете пригласить всех в гостиную прямо сейчас? Да, и Элис тоже. И принесите, пожалуйста, – вы знаете что. Думаю, лучше покончить с этим как можно скорее.

– Как скажете, мисс, – с видимой неохотой отозвалась мисс Пул. Но Мэри больше ничего не оставалось. Разве что, если предположить, что в этом письме от мистера Геста… Вдруг в нем содержится какая-то информация, способная изменить обстоятельства?

Мэри прошла в гостиную, взяла с чайного столика письмо и вскрыла конверт – аккуратно, хотя и без помощи канцелярского ножа. Вдруг все-таки… Но нет. «*Прошу вас зайти ко мне в контору в ближайшее удобное для вас время. Нужно уладить кое-какие вопросы касательно финансовых дел вашей покойной матери*». И больше ни слова. Мэри присела на кушетку и протянула руки к огню. Руки были бледными и тонкими, с проступившими голубыми жилками. Должно быть, она тоже потеряла много веса за последние несколько недель – от волнения и утомительных бессонных ночей, которые она просиживала у ложа умирающей, чтобы дать сиделке Адамс хоть немного поспать. Как бы ей хотелось прилечь прямо сейчас, хотя бы на минутку. Похороны дались ей… нелегко. Но нет, еще остались дела, которые требуется завершить как можно скорее. Нет смысла тянуть время.

– Вот и мы, мисс, – послышался голос сиделки Адамс. Она возглавляла своего рода процессию – как из какой-нибудь сказки: кухарка, за ней лакей, потом горничная, и в хвосте – бедная маленькая судомойка. Миссис Пул пустила их всех в гостиную и остановилась в дверях, скрестив руки на груди. Лицо ее было совершенно бесстрастным, что в ее случае выражало крайнюю степень неодобрения.

Итак, время пришло. У Мэри не было выбора, как бы ей сейчас ни было тяжело.

– Спасибо вам всем за присутствие на похоронах, – начала она. – А также за вашу… верность и преданную службу, особенно в течение последних недель. – Недель, когда миссис Джекилл отчаянно кричала, рвала на себе волосы, отказывалась от еды – и под конец металась в агонии… – Было бы прекрасно, если бы сейчас я пригласила вас только затем, чтобы выразить свою благодарность, но, увы, это отнюдь не все. Дела обстоят так, что я вынуждена распустить вас… всех до единого.

Кухарка сняла очки и начала их протирать. Энид всхлипнула и снова заплакала, промокая глаза большим платком, который протянул ей Джозеф. Элис молчала и была похожа на испуганного кролика.

Как же все это было ужасно! Даже ужаснее, чем она заранее представляла. Но Мэри была вынуждена продолжать.

– Еще до смерти моей матери я встретилась с мистером Гестом, ее поверенным, и он обрисовал мне мое финансовое положение. Кухарка может помнить – она ведь еще застала моего отца, – но не думаю, что кто-то еще из вас в курсе… Мой отец был состоятельным человеком, но когда четырнадцать лет назад он скончался, мы обнаружили, что его состояние бес-

следно пропало. Он продал свои ценные бумаги Банка Англии и перевел деньги на счет в Будапеште. Когда мистер Аттерсон, тогдашний его поверенный, связался с будапештским банком, ему сообщили, что доктор Джекилл не является владельцем счета, что банк вообще никогда не слышал ни о каком докторе Джекилле, а передавать информацию о ком-либо из своих клиентов третьим лицам не намерен в отсутствие ордера правительства Австро-Венгрии. Мистер Аттерсон попытался добиться выдачи ему ордера, но тщетно – правительство Австро-Венгрии не собиралось делать лишних движений из-за какой-то вдовы с ребенком из далекого Лондона. Мне тогда было всего семь, так что я почти ничего этого не помню. Но когда я подросла, а моя матушка практически лишилась… способности управлять своими финансами, мистер Аттерсон объяснил мне ситуацию. У матушки имелся небольшой доход, оставшийся от ее отца, и этого было достаточно, чтобы поддерживать наше скромное комфортное существование.

Не было нужды объяснять им степень этой скромности. Без сомнения, мимо них не проходили незамеченными ее усилия по поддержанию хозяйства на плаву, хотя она и пыталась заботиться о том, чтобы все были хорошо накормлены и устроены. Чтобы по воскресеньям на столе было мясо, чтобы в подвале не иссякали запасы угля. Но слуги наверняка замечали, что с полок библиотеки исчезают книги, что столовое серебро сменяют дешевые приборы. За эти годы Мэри распродала все фарфоровые статуэтки и бронзовые часы, и все серебро в доме, в том числе канделябр, который подарил ее матери на свадьбу архиепископ Йоркский. На стенах виднелись контуры тяжелых рам в тех местах, где когда-то висели картины. Как-то Энид при ней выразила свою радость, что в доме осталось так мало собирающих пыль статуэток, которые нужно протирать, но тут же, опомнившись, воскликнула: «Простите, мисс!» – и поспешила на кухню. Дохода матери едва хватало, чтобы покрыть хозяйственные расходы, а также оплатить ее лекарства и услуги сиделки Адамс.

– Но эти деньги составляли всего лишь пожизненный доход. После смерти матушки выплаты прекратились. Ко мне они не переходят.

Несколько секунд стояла тишина, прерываемая только треском огня в камине.

– Выходит, вас постигла жизненная катастрофа, мисс? – нарушила молчание Энид, баловавшая себя чтением бульварных романов.

– Ну, пожалуй, можно сказать и так, – ответила Мэри. Что за дурацкое выражение! Хотя это довольно точное описание ее случая. То, что ее постигло, вполне подходило под описание жизненной катастрофы. Дедушка, умерший несколько лет назад, и представить бы не мог, что из-за формулировок в его завещании его внучка окажется на грани нищеты. Дед был ее последним родственником – больше ей не к кому было обратиться за помощью. Значит, так и есть. Жизненная катастрофа – не самое плохое описание ситуации.

Беатриче: – Законы этой страны, касающиеся наследования собственности женщинами, просто варварские. Почему родственникам мужского пола можно напрямую завещать свое состояние, а женщинам – только этот несчастный пожизненный доход? А что, если женщину оставит муж – такое ведь то и дело случается! Или же муж переведет свое состояние на какой-нибудь непонятный счет в Будапеште? Кто тогда позаботится о его детях?

Диана: – Черт побери, она оседлала своего конька. Если позволите ей продолжать, конца истории нам не дождаться.

– Миссис Пул, будьте любезны, подайте мне конверты, – попросила Мэри. Конверты хранились у экономки в комнате со вчерашнего вечера, когда Мэри вернулась из банка, сняв со счета… ей не хотелось думать, сколько именно. Миссис Пул вытащила конверты из кармана фартука и подала их хозяйке. – Здесь каждый из вас найдет свое двухнедельное жалованье и рекомендательное письмо. Вы не обязаны оставаться здесь еще на две недели – как только

найдете другое место, смею надеяться, более удачное, вы свободны оставить этот дом с моим благословением. Очень сожалею, что вынуждена так поступить.

Закончив речь, Мэри села и молча смотрела на них, не зная, что еще сказать.

– Ну, что касается меня, – первой нарушила молчание сиделка Адамс, – признаюсь, мисс Джекилл, новость не застала меня врасплох. Я знала, чего нам следует ждать в скором времени, с того самого дня, когда ваша матушка начала шептать про лицо в окне. Обычное дело, уж простите за прямоту, – когда больной начинает видеть то, чего нет, значит, конец близок. Я подумала, что бедняжке вряд ли осталось больше месяца, и была, как видите, права. У меня хорошее чутье на подобные вещи! Так что я сразу связалась со своим агентством, и они мне подыскали местечко – компаньонкой к пожилому джентльмену, сопровождать его по курортам Германии. Так что уже завтра я отбываю на новое место, если вам, как вы сказали, это все равно.

– Да, конечно, – отозвалась Мэри. – И спасибо вам большое за все. Последние несколько недель дались вам тяжело, я знаю. – Что бы она вообще делала без сиделки Адамс? Они с миссис Пул ни за что бы не справились, когда мать начинала кричать и биться в истерике, утверждая, что видела ужасное лицо, бледное лицо… Даже в самые последние дни, когда миссис Джекилл уже была слишком слаба, чтобы вставать с постели, она продолжала всхлипывать об этом лице сквозь сон.

– А что до нас с Энид, мисс, – вступил Джозеф, – мы, конечно, ни за что бы не стали вас этим беспокоить посреди всех ваших несчастий, но… Мы тут решили пожениться. Мой брат держит небольшую таверну в Бейзингстоуке, пишет, что в одиночку не справляется, так что приглашает меня себе в помощники. И мы надеемся, мисс, что вы нас на это благословите.

– Это же прекрасные новости, – сказала Мэри. Слава богу, Энид повезло – Джозеф оказался серьезным человеком, а не болтуном. – Я так рада за вас обоих! А вы что планируете, кухарка? – за кухарку она переживала больше всего.

– Буду с вами откровенной, мисс, – я надеялась еще немного у вас задержаться, – вздохнула та. – Но тут моя сестра настаивает, чтоб я к ней в Йоркшир жить переехала. У нее муж в том году умер, а дочки уже взрослые, пошли в услужение, так что она одна осталась. Будем мы, две старухи, коротать время вместе – скукота такая, аж слезы наворачиваются. Я буду по лондонскому шуму и суете тосковать. Может, с горя вязать полюблю! Но как уж мне жалко покидать вас в такой нужде, мисс. Я ведь вас еще вот такой крохотулечкой помню, как вы ко мне на кухню за печеньями с джемом прибегали!

– Это я сожалею, что так обошлась с вами всеми, – сказала Мэри. Все они так благородно приняли известие о том, что она вынуждена попросту выставить их из своего дома! Ну, хотя бы малышка Элис сможет вернуться к своей семье в деревню… – А ты, милая, скоро снова увидишь свою маму, – сказала она маленькой судомойке. – И братьев, и курочку, по которой ты так скучала, – как там ее зовут?

Она улыбнулась, чтоб подбодрить девочку, но та мрачно смотрела в пол, сжимая руки под фартуком.

Мэри раздала слугам конверты, и миссис Пул пригласила их вниз, на обед – всех, кроме сиделки Адамс: та попросила принести поднос с обедом в ее комнату, чтобы она, не теряя времени, могла начать собираться. Все ушли, и Мэри откинулась на спинку дивана, глядя на портрет своей матери на каминной полке. Эрнестина Джекилл – леди с длинными золотыми волосами и глазами цвета васильков – улыбалась из рамы той самой улыбкой, которой Мэри и не помнила у нее при жизни. Большую часть жизни Мэри ее мать проводила дни и ночи в большой спальне, принадлежавшей ей с замужества, с переезда в Лондон из родного Йоркшира. Мерила комнату шагами, разговаривала с невидимыми собеседниками… Иногда до крови расцарапывала себе руки ногтями. Иногда вырывала с корнем пряди волос, так что длинные золотистые локоны потом находили на полу… Однажды сиделка Адамс предложила отправить ее

в специальное заведение, где бы ей обеспечили должный уход, – ради ее же собственной безопасности. Мэри тогда отказалась, но за последние несколько недель уже успела неоднократно подумать, что, возможно, она совершила ошибку. Что послужило причиной тех ужасных приступов, диких криков посреди ночи? Причиной столь скоропостижной смерти?

Даже в раннем детстве Мэри не была плаксой. Она слишком рано осознала, что жизнь тяжела, и в ней могут помочь отвага и здравый смысл, а вот излишняя чувствительность может помешать. Вспомнив свою мертвую мать, лежавшую на подушках с лицом куда более спокойным и умиротворенным, чем когда-либо при жизни, Мэри закрыла лицо ладонями. Но не заплакала – как не плакала она и на похоронах.

Диана: – Потому что наша Мэри никогда не плачет.

Миссис Пул: – Мисс Мэри – настоящая леди. Она всегда ведет себя благопристойно, не то что некоторые, не будем называть имен.

Мэри: – Не моя вина, что я не могу плакать. Вы отлично это знаете.

Кэтрин: – Знаем, да.

«Ближайшее удобное время», по выражению мистера Геста, наступило для Мэри только через неделю. Сначала нужно было проводить сиделку Адамс, потом – Джозефа и Энид и, наконец, кухарку. Как-то после обеда миссис Пул вошла в кабинет, где Мэри занималась счетами покойной матери, и сообщила:

– Элис больше нет.

– Что вы имеете в виду? – опешила Мэри. – То есть как это – больше нет?

– Я имею в виду, что она собрала свои вещи и ушла, даже не попрощавшись. Закончила свою утреннюю работу, ни слова не сказав. Я к ней в комнату заглянула минуту назад, сказать, что чай готов, а там – никого. И вещей нет. Не то чтобы у нее было много пожитков, но что есть – она забрала.

– Не сомневаюсь, что за ней приехал кто-то из ее братьев. Разве она не упоминала, что они договорились с родными?

– Упоминала, но могла бы хоть попрощаться перед отъездом. В конце концов, это же я ее всему обучила. И не ждала такой черной неблагодарности – от кого-кого, но от Элис… Она даже адреса не оставила. А мне было бы приятно ей хоть открытку на Рождество послать.

– Она очень юна, миссис Пул. Я уверена, что в тринадцать лет вы и сами были несколько безрассудны… Хотя нет, я сейчас подумала получше – безрассудны вы, конечно, не были. Мне жаль, что Элис так поступила. Хотя, может быть, через несколько дней она нам пришлет письмо – сообщить, что благополучно добралась до дома, что рада снова вернуться в деревню. Ну хорошо, значит, мои домашние дела закончены и пора отправляться на встречу с мистером Гестом. На улице снова дождь… Вы не могли бы принести мой макинтош?

Мэри со вздохом закрыла счетную книгу. Последнее, чего ей сегодня хотелось, так это встречаться с поверенным. Но с неприятными обязанностями надлежит разделаться как можно скорее. По крайней мере так учила мисс Мюррей, ее гувернантка.

Миссис Пул ждала ее в прихожей, держа макинтош и зонтик.

– Лучше бы вы взяли кэб, мисс. Дождь сильный, вы можете промокнуть, к тому же как представлю вас бредущей по улицам в одиночку…

– Вы же знаете, что я не могу позволить себе кэб. Да и идти совсем близко, на Кэвендиш-сквер. В конце концов, девяностые годы на дворе! Даже самые респектабельные леди давно ходят по городу в одиночку. Или катаются по паркам на велосипедах!

– И чудовищно выглядят, – добавила миссис Пул. – Надеюсь, уж вы-то не надумаете надеть что-нибудь вроде юбки с разрезами и оседлать одно из этих жутких устройств!

– В любом случае – не сегодня. Ну что, я выгляжу достаточно благопристойно для ваших искушенных глаз? – Мэри взглянула на себя в зеркало и поправила шляпку – скорее по при-

вычке, чем из надобности: она и так сидела идеально. Она не пыталась выглядеть как-то особенно привлекательно или изящно – понимала, что, как ни пытайся, сейчас это не получится. «Не тогда, когда я выгляжу так, словно повстречала призрака», – подумала она.

– Вы всегда выглядите благопристойно, милая моя, – заверила миссис Пул. – Вы же прирожденная леди.

Миссис Пул: – Ну уж нет! Никогда в своей жизни я не называла мисс Мэри так фамильярно! Что это за ужасная «милая моя»?

Диана: – Да бросьте! Вы то и дело ее так зовете, сама не замечая.

– Прирожденная леди обычно способна оплатить свои счета в мясной лавке, – грустно сказала Мэри. Двенадцать фунтов, пять шиллингов, три пенса: столько денег у нее осталось. Мэри аккуратно записала эти цифры в счетную книгу и теперь не могла перестать о них думать. Цифры стояли у нее перед глазами, как циферблат остановившихся часов, показывающих всегда одно и то же время. А еще на столе ее матери лежала стопка счетов. Мэри даже не представляла, как она будет их оплачивать.

– Мистер Байлз знает, что вы заплатите, когда сможете, – сказала миссис Пул. – В конце концов, разве он не наш семейный поставщик мяса с самой смерти вашего отца?

– Тогда тут была семья, которая нуждалась в поставках мяса. – Мэри застегнула макинтош, взяла со столика в прихожей свою сумочку и повесила на локоть зонтик. – Миссис Пул, вам в самом деле стоило бы пересмотреть…

– Я вас не оставлю, мисс, – отрезала миссис Пул. – Чтобы вы – и в одиночку остались в этом огромном доме? Мой батюшка служил дворецким при докторе Джекилле, а матушка прибыла вместе с миссис Джекилл из Йоркшира. Она была нянькой вашей матушки и никогда ее не покидала. А я была вашей нянькой, когда вы еще в детских распашонках бегали. Это мой дом.

– Но мне нечем вам платить за работу, – безнадежно сказала Мэри. – Самое большее, что я смогла, – это расплатиться на прощание с кухаркой, Джозефом и остальными. Вы же не можете работать в кредит, как мистер Байлз. Превосходная экономка всегда найдет себе хорошее место, даже в такие тяжкие времена, как наши. Это меня не хотят видеть в трудовых агентствах. Видели бы вы, как эти женщины кривят губы, когда сообщают мне, что у меня недостаточно знаний для службы гувернанткой – впрочем, это правда – или что «работа в магазине не для таких, как вы, мисс!».

– И это тоже чистая правда, – заметила миссис Пул.

– Или – что мне стоило бы пройти двухнедельные курсы печатания на машинке, ценой всего в десять шиллингов, и тогда для меня можно было бы что-то подыскать. Но у меня нет лишних десяти шиллингов, и лишних двух недель тоже нет! Я спрашивала у мистера Левенталя – он считает, что нет никакой надежды продать этот дом в нынешней экономической ситуации. Разве что, сказал он, появится покупатель с намерением превратить этот особняк в многоквартирный дом, готовый взять на себя расходы…

– Что?! – в ужасе воскликнула миссис Пул. – Превратить резиденцию джентльмена в многоквартирный дом?! Куда катится этот мир! Будем надеяться, мистер Гест сейчас сообщит вам что-нибудь утешительное.

– Вот уж это, – подытожила Мэри, – очень маловероятно.

Она последний раз оглядела себя в зеркале. Зонтик, макинтош, ботинки на резиновой подошве. Она неплохо подготовилась к потопу.

И на улице ее действительно ждал потоп. Струи дождя безжалостно колотили по зонту. По водосточным канавам струились темные реки. Лондон ни на миг не прекращал ежедневной работы: магазины были открыты, по улицам стучали экипажи, мальчишки-газетчики выкрики-

вали: «Ишшо одно уж-жасное убийство! Горничная в свой выходной была найдена без головы! Читайте в «Дэйли мейл»!» Подметальщики перекрестков, мокрые насквозь, мрачно чиркали метлами по мостовой, лошади двухколесных экипажей мотали головами, чтобы вытрясти воду из ушей. Над тротуарами тек поток раскрытых зонтов.

«Как будто Господь решил еще раз затопить грешную землю», – подумала Мэри, невольно желая, чтобы так и было. Порой ей казалось, что мир заслуживает нового потопа. Но она отбросила эту немилосердную мысль и быстро посмотрела на часы, желая убедиться, что не опаздывает. Башмаки ее хлюпали по мокрой мостовой – путь лежал по кварталу Мэрилебон.

Контора «Аттерсон и Гест, поверенные» располагалась на одной из тихих респектабельных улочек неподалеку от Кэвендиш-сквер. Мэри постучала в дверь полированным медным молотком. Младший клерк открыл перед ней тяжелую дубовую дверь. В кабинет мистера Геста вел длинный коридор, облицованный деревянными панелями. Когда была жива ее мать, мистер Гест обычно сам приезжал к ним, но обнищавшая мисс Мэри Джекилл не была достаточно важной персоной для частного визита.

Мистер Гест выглядел как обычно – тощий, длинный лысеющий мужчина. Мэри подумала, что он похож на труп. Его кабинет с деревянными панелями на стенах и рядами книг в кожаных переплетах был бы отличным гробом, в котором погребли этого важного покойника. Он коротко поклонился ей и сказал своим покойницким голосом:

– Спасибо, что нашли время заглянуть ко мне в ответ на приглашение, мисс Джекилл. Да еще и в такой дождь!

– Ваше приглашение связано с состоянием моих финансов? – спросила Мэри, решив говорить прямо. В конце концов, поверенный отлично знает, что она нуждается в деньгах.

– Боюсь, что нет – ваше финансовое положение ничуть не изменилось, – мистер Гест покачал головой, как бы сочувственно, но Мэри почудился в его тоне оттенок злорадства. – Присаживайтесь, наше дело может занять некоторое время. Я пригласил вас, потому что получил вот это, – мистер Гест уселся за свой стол и положил перед собой, рядом с чернильницей, кожаный портфель. – Со мной связался банк вашей матери – не Банк Англии, а другой, в котором она открыла особый счет. Это что-то вроде кооперативного сообщества в Клеркенвелле. И открыла счет она совершенно без моего ведома, должен я сообщить.

Ему явственно не нравилось, что его клиенты могут открывать какие-то счета, не уведомив его, – да еще и в банках в районе, пользующемся столь сомнительной репутацией.

Мэри недоумевающе смотрела на него.

– Особый счет? Но это невозможно. Моя мать не покидала свою комнату многие годы, прежде чем умерла.

– Разумеется, – отозвался мистер Гест. – Однако похоже, что счет был открыт до того, как ваша матушка… полностью отгородилась от внешнего мира.

То есть, вы хотите сказать, сошла с ума, подумала Мэри.

– Открыв счет, ваша мать положила на него определенную сумму с тем, чтобы каждый месяц часть ее выплачивалась конкретному получателю. Когда директор банка увидел в «Таймс» объявление о ее смерти, он немедленно связался со мной. Я попросил его отправить мне всю доступную информацию о платежах – и неделю спустя получил вот эти документы. В их число входит и приходо-расходная книга.

Он щелкнул пряжками портфеля и выложил перед Мэри книгу вроде тех, которые используют банковские клерки, чтобы держать в порядке свои счета. Девушка опустилась на неудобный стул, который мистер Гест специально держал для клиентов, положила сумочку на колени и открыла первую страницу книги. Страница была разграфлена, наверху подписаны названия столбцов: «ДАТА – ТРАНЗАКЦИЯ – СУММА – ПОЛУЧАТЕЛЬ». Каждая транзакция имела место первого числа каждого месяца, получатель и цель платежа были указаны одни и те же: «Общество св. Марии Магдалины, 1. Хайд, расходы на содержание».

Хайд! Мэри шумно вдохнула при виде этого имени. Оно вызвало яркий образ из ее детства: друг ее отца, известный как Эдвард Хайд, – бледный, уродливый, волосатый мужчина со зловещей ухмылкой, от которой у нее всякий раз пробегал мороз по коже.

Мэри: – Как-то это мелодраматично звучит, вы не находите?

Кэтрин: – Но признай, рядом с ним ты всегда чувствовала себя неуютно. И еще он был невыносимо груб.

– Этот счет теперь принадлежит вам, – сказал мистер Гест. – Как видите, изначально на нем лежало сто фунтов. С тех пор ежемесячно деньги расходовались небольшими порциями – на какую-то не совсем понятную мне цель… – он сделал паузу, словно ожидая от Мэри каких-то объяснений. Но даже будь у нее мысли по этому поводу, она ни за что не стала бы делиться ими с поверенным. После короткого молчания он продолжил: – После последней транзакции на счету осталась некоторая сумма – кажется, в районе двадцати трех фунтов. Боюсь, меньше, чем хотелось бы.

Конечно, меньше, чем хотелось бы, – но перед Мэри пронесся целый вихрь прекрасных видений: она теперь сможет заплатить мяснику… И зеленщику… И, конечно же, выдать жалование миссис Пул! Может, они даже могли бы уговорить кухарку вернуться, раз она все равно не хочет жить у сестры в Йоркшире! И тогда миссис Пул не придется сражаться с плитой и пытаться приготовить что-то съедобное с помощью поваренной книги, которую ей теперь пришлось открыть впервые в жизни. Но нет, Мэри хочет слишком многого. Конечно, двадцать три фунта – это гораздо больше, чем было у нее до этого, но все равно их недостаточно, чтобы прожить какое-то длительное время, по крайней мере в доме 11 на Парк-Террейс. И все-таки паника Мэри хотя бы немного улеглась. Но вернулось недоверие.

– Содержание Хайда? – спросила она. – Но какое отношение моя мать может иметь к Хайду? Я была ребенком, но запомнила, как в наш дом явилась полиция и расспрашивала отца об этом человеке.

– Я в то время был клерком при мистере Аттерсоне, – кивнул мистер Гест. – И я очень хорошо помню все обстоятельства, сопутствовавшие тому делу, – хотя, конечно, мне посчастливилось никогда лично с мистером Хайдом не сталкиваться. Именно поэтому я попросил вас посетить меня как можно скорее, при всем моем уважении к вашему трауру, мисс Джекилл. – Он бросил на нее скорбный и торжественный взгляд, но Мэри отлично видела ухмылку под его профессиональной непроницаемой маской. Гест принадлежал к числу людей, которых развлекают чужие невзгоды. – И еще кое-что. Вот документы, которые ваша мать отправила на хранение в банк.

Он подтолкнул к ней портфель, в котором обнаружилось немало всего: еще одна книга, почтовые конверты – наверняка с письмами внутри, еще какие-то бумаги, напоминавшие рецепты или расписки. Она хотела было вытащить книгу и рассмотреть ее, но заметила взгляд мистера Геста, полный жгучего любопытства. Очевидно, профессиональная этика не позволяла ему копаться в бумагах клиентов, но ему этого очень хотелось. Что же, если ее мать желала что-то скрыть, Мэри не собиралась показывать это ее поверенному.

Она закрыла портфель и застегнула пряжки.

– Спасибо большое, мистер Гест. У вас все?

– Да, у меня все, – нахмурившись, ответил тот, явно оставшись разочарованным. – Могу я спросить, мисс Джекилл, что вы намерены со всем этим делать?

– Я, разумеется, собираюсь закрыть счет, – ответила Мэри. Можно добраться до Клеркенвелла – интересно, туда ходит омнибус? – хотя бы завтра утром, и забрать оставшиеся на счету деньги. Тогда у нее будет тридцать пять фунтов, пять шиллингов, три пенса. Эта новая цифра не могла не приносить Мэри облегчения.

– Да, это лучшее, что вы сейчас можете сделать, – согласился мистер Гест. – Какова бы ни была цель открытия счета, я полагаю, вы не имеете к ней никакого отношения. И, смею заметить, юные леди, оказавшиеся в сложном положении, подобном вашему, часто находят утешение в том, чтобы возложить свои заботы на плечи кого-нибудь более опытного в житейских делах. Короче говоря, мисс Джекилл, вы недавно достигли совершеннолетия и могли бы принять решение вступить в брак. Настолько привлекательная юная леди могла бы составить приемлемую партию для мужчины, которого не особо заботит состояние финансов его жены. – И мистер Гест посмотрел на нее со значением.

Боже мой, подумала Мэри, он мне что, делает предложение? Она подавила желание рассмеяться ему в лицо – после событий последних дней смех прозвучал бы скорее как истерика. Всего этого было… попросту слишком много.

– Спасибо, мистер Гест, – Мэри встала и протянула ему руку. – Уверена, что вы очень опытны в житейских делах и все такое. Благодарю вас за ценный совет. А теперь не могли бы вы попросить своего клерка принести мой зонтик и макинтош?

Когда Мэри вышла из конторы поверенного, на улице все еще лило. Она пошла обратно к дому по многолюдным городским улицам, неся под мышкой портфель, чтобы он не промок. Домой она добралась совершенно мокрой, усталой и благодарной, что миссис Пул к ее приходу разожгла огонь в камине в гостиной.

Беатриче: – Ох уж этот ваш лондонский дождь! Когда я впервые попала в Лондон, думала, что уже никогда больше не увижу солнца. Так было холодно, сыро и бесприютно! Я ужасно скучала по Падуе.

Диана: – Раз тебе здесь не нравится, можешь отправляться обратно. Никто тебя не держит!

Кэтрин: – Пожалуйста, держитесь со своими комментариями в рамках повествования. И это вовсе не мой лондонский дождь. Вряд ли Беатриче ненавидит его сильнее, чем я.

Мэри сменила черное платье на старое, домашнее, надела пару мягких тапочек и накинула на плечи матушкину шаль. Она зажгла свечу спичкой из коробка на каминной полке. Как же бедно и неряшливо теперь выглядела гостиная! Она спрашивала мистера Манди, владельца компании «Мебель и аксессуары Манди», что еще он мог бы у нее купить, но он только покачал головой и сообщил, что в доме не осталось ничего стоящего. Разве что мисс Джекилл согласится продать интересный портрет – вон тот, над камином? Но портрет матери Мэри не собиралась продавать ни за что на свете.

Она села на кушетку и придвинула поближе чайный столик. Затем расстегнула портфель и вытряхнула оттуда все документы. Пожалуй, лучше было бы отнести их на мамин стол и сортировать их там… Мэри не могла перестать думать о столе в кабинете как о мамином, хотя много лет им пользовалась только она сама, разбирая там хозяйственные счета. Но в кабинете не горел камин, а в подвале осталось совсем немного угля. Кроме того, Мэри не готова была снова увидеть эти стопки счетов. Как-нибудь потом.

При ближайшем рассмотрении книга оказалась не совсем книгой – скорее толстой записной книжкой, лабораторным журналом ее отца. Мэри узнала его почерк – те же остроугольные буквы, что составляли пометки на полях его книг. Письма в конвертах были адресованы доктору Генри Джекиллу, 11, Парк-Террейс, Лондон. Наверное, эти письма пришли еще при его жизни, как часть его научной переписки? Отец всегда получал обширную корреспонденцию от других ученых – как из Англии, так и из-за рубежа. Между конвертами хранилось немало рецептов – главным образом от «Моу и сыновей», компании, поставлявшей химикалии для отцовских экспериментов. Мэри начала сортировать документы и едва заметила, что миссис

Пул принесла ей ужин: котлету с картофелем и горошком. Она отложила бумаги на диван, чтобы освободить столик для подноса, и рассеянно поблагодарила экономку.

Когда миссис Пул пришла забрать посуду, Мэри откинулась на спинку дивана и сказала:

– Знаете, мистер Гест сегодня, похоже, попытался сделать мне предложение. По крайней мере настойчиво советовал выйти замуж за кого-нибудь, кто сможет привести в порядок мои дела, ведь мы, юные девушки, по его мнению, такие непрактичные.

– Это вы-то, которая управляет этим домом с тех пор, как научилась писать имя своей матери! – воскликнула миссис Пул. – Я никогда особо не ценила мужчин и менять своего мнения не намерена. Лакей в белых штанах, конечно, украшает дом за званым обедом, но пользы в хозяйстве от него меньше, чем от толковой судомойки. Хотя Джозефу порой удавалось доказывать свою пользу, что есть, то есть.

– Если бы только я могла себе позволить толковую судомойку! – вздохнула Мэри. – Мне так не хотелось отпускать Элис – но я же понимаю, что в родной семье ей будет гораздо лучше. Миссис Пул, не могли бы вы присесть на минутку? Знаю, знаю, что это не ваше место, но пожалуйста, побудьте тут – мне нужно вас кое о чем спросить.

Миссис Пул неохотно присела в одно из стоявших у камина кресел, сложив руки на коленях, как будто она сидела на лавке в церкви Сент-Мэрилебон.

– Слушаю вас, мисс.

Мэри наклонилась ближе к камину, всматриваясь в огонь. Она искала верные слова, чтобы задать вопрос… Но известно, что самый лучший способ что-то сказать – это говорить прямо.

– Миссис Пул, что вы помните об Эдварде Хайде?

Примечание автора: – Передать не могу, как мне жаль, что я позволила Мэри и остальным читать эту рукопись в процессе работы над ней. Сначала они просто комментировали каждую главу, а потом начали давать советы – что и как я должна, по их мнению, изменить. Я менять ничего не собираюсь. Самое большое, что я готова для них сделать, – это оставить их комментарии в повествовании. Вы, дорогой читатель, увидите, насколько они раздражающи и какой вздор несет большинство из них, когда пытается помочь мне лучше описать характеры персонажей. Предположим, что это такой новый способ написания романа, почему бы и нет? Сейчас, в конце концов, девяностые годы на дворе, как недавно подметила сама же Мэри. К началу нового века можно разработать новый способ повествования. К тому же эпоха Чарльза Диккенса и Джорджа Элиота уже кончилась. Мы современные люди. И современные чудовища…

Глава II
Визит к мистеру Холмсу

– Вот уж не ожидала снова услышать это имя! – сказала миссис Пул. – Не думаю, что можно забыть мистера Хайда, если довелось хоть разок его увидеть. Вы-то были совсем крошкой, едва от нянек – и на школьную скамью. И такой вы были серьезной девочкой, не то что другие дети, – тихой и спокойной, с этими вашими огромными серыми глазами, с постоянно вопрошающим взглядом. Помните мисс Мюррей, с ее глобусами и французской грамматикой? А когда вы уставали от сложения, вычитания и всего подобного, вы всегда прибегали ко мне – за лучшим кусочком имбирного кекса. Не знаю, видели ли вы сами этого мистера Хайда, хотя он у нас частенько бывал.

– Видела однажды, – ответила Мэри. – Но вы лучше расскажите, каким вы его запомнили. У меня есть важная причина вас расспрашивать.

– Я тогда была старшей горничной и редко видела гостей-джентльменов. Ведь еще был жив мой отец, царствие ему небесное. «Не мое дело – критиковать гостей доктора Джекилла, – вот как он мне говорил. – Однако же от вида этого мистера Хайда мне сразу хочется принять душ, да еще и с мылом!» Хайд много времени проводил у вашего отца в лаборатории, но я лично видела его всего раз или два – как он крадучись поднимался по лестнице, с этим злобным выражением на лице. У меня от одного его вида мурашки высыпали. До сих пор помню!

– Я встречалась с ним единственный раз, – задумчиво сказала Мэри. – Он стоял у дверей спальни моей матери с поднятой рукой, как будто собирался постучать. А потом он обернулся и заметил меня, и тогда опустил руку и взглянул на меня так странно – как будто виновато, но притом со злобной радостью. И усмехнулся. Помню, что я ужасно испугалась и убежала к себе в спальню, а потом рассказала мисс Мюррей, что встретила Румпельштильцхена. – Она перевела взгляд на бумаги, рассыпанные по кушетке. – А что вы помните о том убийстве?

– Это было просто ужасно! – сказала миссис Пул. – До смерти забить тростью пожилого джентльмена, Дэнверса Кэрью! Чудовищное преступление!

– И подозревали мистера Хайда, – продолжила Мэри.

– Вот уж не думаю, что кто-то сомневался в его вине! Ужасное было время. В доме постоянно толклись полицейские, то и дело всех нас допрашивали, как будто это мы – преступники. Уверена, что это ускорило смерть вашего бедного отца. Но сам-то Хайд исчез, и с тех пор о нем ничего не было слышно. Я бы сказала – скатертью дорожка!

– Не было слышно до сегодняшнего дня. Смотрите, что дал мне мистер Гест, – Мэри протянула миссис Пул расчетную книгу, открыла перед ней страницу с записью транзакций и пересказала то, что узнала от поверенного.

Миссис Пул переводила потрясенный взгляд с книги на Мэри. Она даже заговорить смогла не сразу. Наконец выдавила:

– Даже не знаю, что об этом и думать, мисс.

– Я и сама пока не знаю. Ясно только одно – моя мать знала о местонахождении Хайда и каждый месяц посылала ему деньги. Может быть, он ее шантажировал?

– Но чем, мисс? У вашей матушки не было ни единого секрета!

– Думаю, секреты были у моего отца. Я как раз читала одно из этих писем, – Мэри подняла листок бумаги, хмуря брови. – Тут есть всякие намеки и отсылки, которых я просто не понимаю. Частью они касаются научных работ, но… Все это заставляет меня думать, что мой отец был вовлечен в какую-то очень странную деятельность, миссис Пул.

– Да, ваш отец всегда был очень скрытным джентльменом. Могу я забрать вашу посуду, мисс? Хотелось бы прибраться и все помыть до того, как я погашу на ночь плиту.

– Простите меня, – сказала Мэри. – Я веду себя бесцеремонно. Иногда я просто забываю, что мы теперь остались в доме вдвоем и вся работа легла на ваши плечи. Если бы вы только позволили мне помочь…

Миссис Пул молча собрала посуду на поднос – с видом, который выражал совершенный отказ. Она всегда обладала способностью выразить все, что думает, не говоря при этом ни слова. Очень раздражающая черта характера. Нет, миссис Пул, вам не позволено здесь комментировать.

– Надеюсь, вы не собираетесь слишком засиживаться, – сказала экономка. – И когда стемнеет, не забудьте зажечь газ. Не хочу, чтобы вы испортили себе зрение.

– Я не буду засиживаться, – обещала Мэри. – Просто хочу закончить просмотр этих бумаг. У меня появилась одна идея… Миссис Пул, я верно помню, что за информацию о местонахождении Хайда была назначена награда?

– Да, и немаленькая, – сотня фунтов. Но зачем вы спрашиваете, мисс? Думаете, можно получить сотню фунтов, просто рассказав, где он находится? Но ведь столько времени прошло. Вряд ли теперь они готовы заплатить так много, – миссис Пул не уточнила, кто такие эти «они».

– Не знаю, – покачала головой Мэри. – Но зато я знаю, у кого об этом можно спросить. Это было так давно, но я все еще помню…

Она не закончила фразы. Миссис Пул вышла из гостиной, неся поднос, и прикрыла за собой дверь. Мэри задумалась о секретах, которые ее мать унесла с собой в могилу. В ее голове начал складываться некий план действий. Завтра…

Но пока что было рано об этом думать. Сначала надо разобрать оставшиеся документы. Может быть, они поведают ей больше о том, что же случилось много лет назад. Она взяла журнал своего отца и начала читать с того места, на котором остановилась. Когда она наконец убрала бумаги обратно в портфель, камин уже почти догорел. Мэри поднялась в спальню, которую она занимала после того, как покинула детскую.

Она легла в постель, но никак не могла заснуть. Дом казался таким тихим! Раньше его всегда наполняли какие-то звуки: голос матери, проснувшейся посреди ночи, шаги сиделки Адамс, которая спускалась на кухню подогреть молоко… А сейчас дом вокруг нее был совсем пуст. Миссис Пул спала двумя этажами ниже, в комнате экономки рядом с кухней. Мэри преодолела искушение спуститься к ней и лечь спать в комнатушке Элис, чтобы слышать, как за стенкой похрапывает миссис Пул. Но она, в конце концов, была мисс Мэри Джекилл из дома 11, Парк-Террейс. Леди может испытывать страх, как и все остальные люди, но она не должна его никому показывать – так ее учила гувернантка. Так что Мэри лежала и смотрела в темноту, пока наконец сон не сморил ее, и во сне она видела, как мистер Хайд, криво усмехаясь, крадется по ночным улицам Лондона в неверном свете фонарей, опираясь на свою смертоносную трость.

Миссис Пул: – Я не храплю!

Мэри: – Не припомню, чтобы мне снилось что-то подобное. Откуда ты знаешь, что мне это снилось, раз я сама не помню?

Кэтрин: – Но ты ведь не помнишь, чтобы тебе снилось что-то другое, верно? Так что не спорь. Должно же тебе было хоть что-нибудь сниться. Не могу же я написать – и во сне Мэри видела что-то, только потом не помнила, что именно. У тебя совершенно нет литературного чутья.

Мэри: – Да, я не приучена лгать, если ты это имеешь в виду.

Наутро, после раннего завтрака, состоявшего из чая с тостами, Мэри попросила у миссис Пул ключ от лаборатории. Накинув на плечи шаль, она пересекла задний дворик и открыла дверь, которая простояла закрытой… как долго? С тех пор, как матушка стала слишком боль-

ной, чтобы слуги справлялись с уходом за ней, и Мэри пришлось нанять сиделку Адамс. То есть… около семи лет. Да и до того в лабораторию разве что раз в году заходила горничная для очередной уборки.

Мэри сама не знала, что рассчитывает тут найти. Но, может быть, ее отец оставил что-нибудь, чтобы ответить на вопросы, которыми она начала задаваться после просмотра бумаг из портфеля.

Лаборатория, которая когда-то служила анатомическим театром, была освещена неярким дневным светом. Серый отсвет лондонского дождливого дня лежал на рядах деревянных парт, расположенных кругами, как амфитеатр, чтобы студентам было удобно наблюдать операционные демонстрации. Парты покрывал густой слой пыли. На операционном столе в центре амфитеатра ее отец некогда производил и свои химические эксперименты. Спустя столько лет она еще помнила этот стол заставленным оборудованием – тут была бунзеновская горелка, два микроскопа, ступки и пестики разных размеров для ингредиентов. За спиной отца висела доска, исчерченная меловыми формулами, полки по сторонам комнаты были полны книг. Ее, маленькую девочку, редко пускали в лабораторию, но иногда отец сам приглашал ее понаблюдать за экспериментами. Таблица элементов с символами, которые значат так много для понимающего взгляда, и пламя бунзеновской горелки, менявшее цвета, когда доктор добавлял в него те или иные химикалии – скорее чтобы развлечь дочку, чем с какой-то практической целью, – все это казалось ей настоящей магией. Она смеялась, хлопала в ладоши, наблюдая за удивительным представлением…

Теперь тут не осталось ничего. Театр опустел.

Мэри поднялась по ступенькам амфитеатра на промежуточный этаж, где находился отцовский кабинет. Дверь болталась на полусорванных петлях, как будто ее вышибли силой. Окно, выходившее на аллею, было покрыто пылью, по углам свисала паутина. В кабинете оставалась прежняя мебель – письменный стол и стул, диван, зеркало в углу. Застекленные шкафы, где некогда хранились химикалии, теперь были так же пусты, как книжные полки в лаборатории. На всем здесь тоже лежал толстый слой пыли. Мэри заглянула в ящики стола – пусто.

Когда она спускалась с промежуточного этажа обратно, в дверь лаборатории заглянула миссис Пул.

– Ну как, мисс? Нашли что-нибудь?

– Ничего. Вы не знаете, что сталось с бумагами моего отца? Я помню, ими раньше был завален весь стол…

– А как же, мисс, – миссис Пул оглядывала пыльный амфитеатр с профессиональным неодобрением. – Все до единой бумажки сожгли после его смерти. Я до сих пор помню ту ночь, хотя уже столько лет прошло. Мой отец и мистер Аттерсон взломали дверь кабинета, а потом отец сообщил слугам, что доктор Джекилл скончался. Несчастный случай, вот как он сказал, но между нами то и дело всплывало слово «самоубийство», все эти слухи, шепотки… Мистер Аттерсон провел полночи у вашей матушки, а на следующий день они с моим отцом вынесли тело доктора в простом деревянном гробу. Тут-то и стало ясно, что это в самом деле самоубийство. Иначе почему бы никого из слуг не пригласили на похороны? Там были только мистер Аттерсон и ваша матушка, а тело сожгли, и даже надгробного камня на могилу не положили, так что и непонятно, где лежит его прах, на память осталась только мемориальная табличка в Сент-Мэрилебон. После чего здесь все вычистили и уничтожили – химикалии, бумаги, даже книги. Ваша матушка очень стойко это перенесла. Сломалась она гораздо, гораздо позже – от напряжения, я полагаю.

– Значит, документы, которые моя мать сохранила в банке, – единственное, что осталось, – подытожила Мэри. Все, что осталось ей от отца… И от тайны его жизни и смерти.

– Думаю, что так, мисс. Вам тут что-нибудь еще нужно? А то, раз уж вы открыли эту комнату, я хотела бы здесь как следует проветрить, а потом я приду сюда с метлой – и со

множеством тряпок. Вы только гляньте, настоящий ужас! – миссис Пул провела пальцем по столешнице. Палец посерел от многолетней пыли.

– Мне ничего не нужно, только макинтош и зонтик, если не возражаете. Я снова должна выйти в город. У меня в планах один визит.

– Вы пойдете в банк, мисс?

– Пока что нет. Я все расскажу по возвращении.

Мэри: – Если бы я тогда знала то, что знаю сейчас…

Жюстина: – И что, тогда ты поступила бы иначе? Мне в это не верится.

Мэри: – Но, может быть, я бы чувствовала себя иначе. Хотя не думаю, что это могло что-нибудь изменить. Знаете, в детстве я искренне думала, что мой отец – волшебник. И считала его самым замечательным человеком на свете.

Жюстина: – То, что случилось потом, не должно уничтожить эту память о нем.

Кэтрин: – Бога ради, Жюстина. Ты слишком легко прощаешь.

Двадцать минут спустя Мэри уже звонила в дверь дома 221б на Бейкер-стрит.

Стоило ей дойти до парадного входа искомого дома, дождь чудесным образом прекратился. Идти ей было недалеко – короткая прогулка вдоль Риджентс-парка, и она на месте. Она только задержалась на минутку в церкви Сент-Мэрилебон – присела на одну из скамеек и помолилась о своей матери… а также об отце. Девушка остановилась на миг у таблички на стене; надпись на ней была очень короткой: «Генри Джекилл, меценат». Она даже не знала, где он похоронен, хотя мистер Аттерсон и утверждал, что ее отец упокоился на освященной земле. Где бы сейчас ни пребывал его дух, она надеялась, что он обрел покой… Но от молитвы ее отвлекали мысли о таинственных платежах, о письме, которое она прочла прошлой ночью, о лабораторном журнале отца. Если бы можно было как-то все прояснить!

Обратилась ли она по верному адресу? Скоро ей предстояло это узнать.

Мэри: – Я в твоем изложении похожа на героиню бульварного романа. У меня тогда совершенно не было подобных мыслей.

Беатриче: – А о чем ты тогда думала?

Мэри: – О том, сколько могут стоить новые башмаки. Если мне придется так много ходить по Лондону, нужна новая пара обуви, покрепче, а я не была уверена, что могу себе позволить подобную трату. Вот какие мысли отвлекали меня от молитвы, если вы хотите знать правду. Размышления о состоянии моих башмаков.

Мэри, которая вовсе не думала о ценах на обувь, потому что это *очень скучная тема*, закрыла свой зонтик – осторожно, чтобы не выронить из-под мышки портфель, полученный от мистера Геста. Она позвонила – и звонок отозвался эхом в глубине дома. Ожидая, Мэри пыталась заодно отряхнуть грязь, налипшую на подол платья, и жалела, что не надела костюм для прогулок – впрочем, пока она все равно не могла позволить себе купить новый, траурный. Да толку отряхиваться – на обратном пути до дома она все равно снова перепачкается. Будто в ответ на ее мысли мимо прогрохотал экипаж, разбрызгав грязь по булыжникам мостовой и подняв каскад мутной воды, которая чудом не окатила девушку.

На миг она пожалела, что она леди, – так хотелось громко выругаться экипажу вслед.

Мэри: – Ну, хотя бы здесь все описано верно!

Почему никто не отвечает на звонок? Она позвонила еще раз.

– Очень извиняюсь, мисс, – дверь открыла женщина с седыми волосами, заправленными под старомодный чепец. Она явно занималась уборкой – в руке у нее была перьевая метелочка для сметания пыли. – Мне просто пришлось спускаться к вам с третьего этажа. Слух у меня уже не тот, что прежде, и когда вы позвонили в первый раз, я подумала, что мне просто показалось. А потом вы позвонили снова…

– Я хотела бы видеть мистера Холмса, – сказала Мэри. – Боюсь, что он не назначал мне встречи, но у меня к нему очень важное дело. Он сейчас принимает?

– Ах вы бедняжка, – захлопотала женщина. Может, это его экономка? Нет, наверняка это знаменитая миссис Хадсон! – Мистер Холмс у себя наверху, и я уверена, что он сможет вам помочь, в какую бы беду вы ни попали. Он совершенно не возражает, когда его отвлекают по важным вопросам. Напротив, радуется, если ему приносят новое дело, а я уверена, что так оно и есть. Он любит сложные запутанные дела.

Мэри невольно улыбнулась. Миссис Хадсон явно сочла ее очередной «девой в беде», явившейся просить о помощи знаменитого детектива. Который наверняка очень даже возражает, когда его отвлекают… Но тут уже Мэри не могла ничего поделать.

– Спасибо, миссис…

– Хадсон. Миссис Хадсон. Я сдаю комнаты наверху джентльменам и поддерживаю в доме чистоту. Вернее, поддерживала бы, если бы они мне это позволяли. Должна предупредить вас, мисс, – там у них ужасный беспорядок.

Миссис Хадсон проводила Мэри вверх по узкой лестнице. На площадке второго этажа она остановилась и постучала в дверь.

– Мистер Холмс, вас желает видеть юная леди, – сообщила она.

Из-за двери послышался звук выстрела. Потом еще один.

Мэри невольно поморщилась – один раз, потом другой – но миссис Хадсон и бровью не повела. Просто подождала пару секунд и продолжила:

– У нее очень важное дело, мистер Холмс.

Третий выстрел, и наконец:

– Хорошо, пусть войдет, – судя по тону голоса, донесшегося изнутри, посещение Мэри было чертовски несвоевременно.

Миссис Хадсон открыла дверь перед Мэри и пригласила ее:

– Заходите, пожалуйста, мисс. И не позволяйте мистеру Холмсу вас напугать. Если кто-нибудь и способен разрешить вашу проблему, так это он.

Она чуть помедлила, словно ожидая, что Мэри прямо в дверях изложит ей суть своей проблемы. Злой отец? Жених, сбежавший из-под венца? Но Мэри сказала только:

– Благодарю вас, миссис Хадсон, – и вошла.

Да, в комнате царил ужасающий беспорядок.

На каминной полке в ряд стояли черепа, представлявшие, как показалось Мэри, разные физиогномические типы – от высших к низшим. Последний череп в ряду явно принадлежал обезьяне, и словно бы в насмешку именно он был увенчан цилиндром. У окна располагалась фотографическая камера, с которой свисал оперный плащ, очевидно, составляющий комплект с цилиндром. Длинный стол у окна был завален разным оборудованием, живо напомнившим девушке отцовскую лабораторию: здесь была и бунзеновская горелка, и портативная маленькая камера, и микроскоп, и стеклянные сосуды, чье содержимое подозрительно напоминало человеческие уши в прозрачном растворе. Гипсовая отливка руки и отпечатков пальцев. Коробочки почвы разных цветов – от красноватого до черного. На стене над камином – полки, перегруженные книгами. Стопки книг также лежали и на полу, и на диване, занимали целиком одно из кресел. Другое кресло занимала скрипка.

Человек, стоявший посреди комнаты, держал в руке пистолет. Это был долговязый мужчина с высоким лбом и с носом того типа, который обычно именуют орлиным. Мэри подумала,

что он весь целиком похож на пытливую и внимательную хищную птицу. Рукава его рубашки были закатаны, дуло пистолета смотрело в стену.

Диана: – Ты же не собираешься сделать из него героя? Читать будет просто тошно.

Беатриче: – А мне кажется, мистер Холмс вполне подходит на роль героя.

Диана: – Не больше, чем ты!

Обои на стене были пробиты множеством дырочек от пуль, складывающимися в инициалы – VR, VR, VR – Victoria Regina, «королева Виктория». На миг Мэри засомневалась, не лучше ли ей было сразу пойти в Скотланд-Ярд.

Из-за высокой стопки книг на диване поднялся второй обитатель комнаты – усатый, пониже ростом и поплотнее Холмса. В отличие от своего друга он был полностью одет – в костюм-тройку и при галстуке.

– О чем вы вообще думаете, Холмс? Вы испугаете девушку.

– Я не испугалась, доктор Ватсон, – сказала Мэри. – Я читала ваши рассказы о делах мистера Холмса и хорошо осведомлена о его странностях. Хотя мне видится в стрельбе в закрытом помещении нечто театральное, вам так не кажется? По правде говоря, я думала, что вы вставили в повествование такой эпизод просто для создания драматического эффекта.

– Ха! Ловко она вас срезала, Ватсон! – воскликнул человек с пистолетом. – Хотя скорее не вас, а меня. Ничто не сравнится с иронией современной юной леди, если нужно выставить кого-то дураком. Хотя со своей стороны могу поклясться, что стрелял ради практического эксперимента, что бы вам там ни показалось. Итак, мадам, расскажите мне, кто вы такая и какой помощи ищете этим утром. Потеряли мопсика или шпица? Последнее время мне часто приходится заниматься поиском пропавших собачек. Я – Шерлок Холмс, а это, как вы и сами совершенно верно заключили, мой помощник, доктор Ватсон.

– Нет, – отозвалась Мэри. Мопсик или шпиц, значит?! – Я пришла, чтобы расспросить вас об убийстве, имевшем место четырнадцать лет назад. Мне сдается, что вы были вовлечены в то расследование. Меня зовут Мэри Джекилл.

– В самом деле? – Холмс положил пистолет на столик рядом с микроскопом. – Присаживайтесь, мисс Джекилл. Я отлично помню то дело – и вашего отца, Генри Джекилла, хотя прошло уже немало лет. Я тогда интересовался химией, и его мне рекомендовали как лучшего специалиста в этой области. Может быть, автора сомнительных теорий – но тем не менее блестящего ученого. Помните убийство сэра Дэнверса Кэрью, Ватсон? Это было в самом начале нашего с вами сотрудничества, когда я только начинал задумываться о практике детектива-консультанта. Мисс Джекилл тогда, должно быть, было…

Мэри поставила зонтик в стойку рядом с парой фехтовальных рапир.

– Садитесь, мисс Джекилл, – доктор Ватсон снял стопку книг с ближайшего к двери кресла. Она послушно села, отметив прожженные сигаретами дырки на подлокотниках, и устроила портфель у себя на коленях.

– Убийство произошло четырнадцать лет назад, – сказала она. – Мне тогда было семь.

– Да, припоминаю дочь Джекилла. И ее мать.

– Моя мать недавно скончалась, – сказала Мэри.

– Мои соболезнования, – Ватсон коротко поклонился ей. – Но что до вашего вопроса, Холмс, нет, я не помню того убийства.

– Благодарю за сочувствие, – смерть матери была последним вопросом, который Мэри сейчас хотелось обсуждать. Она повернулась к Холмсу: – Помните, тогда была назначена награда…

– Я не занимался тем делом напрямую, но вы, должно быть, читали о нем в газетах. Убийство отличалось особой жестокостью, к тому же много значило высокое положение жертвы. Сэр Дэнверс Кэрью, член парламента, близкий друг Гладстона, влиятельный сторонник движения за автономию Ирландии. Факты, вкратце говоря, были таковы, – Холмс смел с дивана еще одну стопку книг и сел, уперев локти в колени и переплетя пальцы. Взгляд его устремился на стену над головой Мэри, как будто он вглядывался в события четырнадцатилетней давности.

– Сэра Дэнверса нашли на улице в Сохо. Он был жестоко избит, побои привели к смерти. Голова его была проломлена тростью – рядом с трупом валялась и сама эта сломанная трость. И кошелек, и часы остались при покойном, но вот документов, позволяющих установить его личность, не было, если не считать письма в кармане, адресованного поверенному по фамилии Аттерсон. Этого Аттерсона разыскали и пригласили на опознание, и он идентифицировал убитого. Полиция также знала и убийцу: горничная, которая смотрела в окно на освещенную улицу, поджидая своего ухажера, заметила человека, которого опознала как мистера Хайда. Он жил по соседству вместе с женщиной, которая не приходилась ему женой. Горничная наблюдала, как он прошел по улице, остановился под фонарем взглянуть на часы – именно тогда она хорошо его разглядела – а потом встретил на углу сэра Дэнверса Кэрью. Последовал разговор, перешедший в ссору. Хайд ударил Кэрью по голове тростью, а когда тот упал, продолжил избивать его до тех пор, пока тело не перестало подавать признаки жизни. Аттерсон сказал полицейскому, что Хайд служит у одного из его клиентов, некоего доктора Джекилла, проживающего неподалеку от Риджентс-парка. Это совсем рядом с Бейкер-стрит, и я вижу, что мисс Джекилл пришла к нам пешком, хотя и не через парк. Почва Риджентс-парка отличается от прочей лондонской грязи, потому что состоит главным образом из земли цветочных клумб. А на ботинках мисс Джекилл я вижу обычную уличную грязь с Мэрилебон-стрит, и еще брызги из сточных канав.

Мэри глянула на свои башмаки. Что же, в следующий раз надо будет собрать на них для мистера Холмса грязи поинтереснее! А если серьезно, зачем они сейчас углубляются в подробности убийства Кэрью? Она начинала терять терпение.

– Уверен, что все пошло не так гладко с этим делом, – сказал Ватсон. – Иначе вы бы сейчас его так детально не припомнили.

– Вы меня неплохо знаете, – согласился Холмс. – Аттерсон отвел полицейского по месту жительства Хайда в Сохо, это было совсем близко, за углом. Но Хайд бесследно пропал. Полиция прочесала Лондон, а за ним и всю Англию в поисках убийцы, но он словно растворился в воздухе. Я был заинтригован его исчезновением до такой степени, что решил собственноручно заняться его делом. Об английской полиции можно сказать многое, но вот в тщательности и дотошности им не откажешь. Очень трудно вот так взять и исчезнуть из их поля зрения, не оставив следа. В то время у меня еще не было официальных связей с полицией, но мой брат Майкрофт неплохо знал Джекилла, так что я попросил его представить меня доктору. Тот принял меня благосклонно и не уклонялся от обсуждения таинственного дела. Он рассказал мне, что Хайд служил при нем кем-то вроде ассистента, помогал с научными экспериментами. Однако он тоже заявил, что после убийства ни разу не видел Хайда. А вскоре после нашей встречи Джекилл покончил с собой.

Да, Мэри припоминала подробности того визита – долговязый посетитель у отца в кабинете, расхаживающий туда-сюда на своих длинных, похожих на ножницы ногах, и старый мистер Пул, говорящий ей, что нельзя сейчас мешать отцу – он принимает очень важного джентльмена, детектива. Она догадалась, что это и был знаменитый мистер Холмс, о чьих расследованиях появлялись такие интересные статьи в The Strand.

– Холмс! – воскликнул Ватсон. – Не стоит задевать чувства мисс Джекилл!

– Я в полном порядке, спасибо за заботу, – сказала Мэри. – Я только хотела бы знать, предложение о награде за информацию об убийце еще действует? Потому что, возможно, у меня есть некоторая информация…

– Тот случай всегда интриговал меня, – сказал Холмс. – Хайда так и не нашли, и в конце концов Скотланд-Ярд попросту прекратил розыски. Я сам больше не занимался этим делом и не расследовал в том числе причины самоубийства доктора Джекилла. Как я уже упоминал, это было самое начало моей детективной карьеры, и сразу появилось немало других дел, требовавших моего внимания.

– Мистер Холмс, – сказала Мэри. – Так что насчет награды, существует она или нет? Сразу после убийства было объявлено, что за информацию о местонахождении мистера Хайда назначено вознаграждение, но после стольких лет я не уверена…

– Да, награда была объявлена, – подтвердил Холмс. – Сто фунтов за информацию, напрямую указывающую на местонахождение убийцы. Ее предложила семья сэра Дэнверса Кэрью. Но готовы ли члены семьи раскошелиться на такую сумму сейчас – я не знаю. Однако есть способ это узнать. Лучше всего спросить инспектора Лестрейда из Скотланд-Ярда. У меня с ним назначена встреча через час – мы собираемся обсудить убийства в Уайтчепеле. Те самые «ужжасные убийства», о которых кричат газетчики. Ватсон, боюсь, тайне зверинца лорда Эйвбери придется подождать. Сейчас нас ожидает сразу две тайны, обе из которых куда интереснее, чем пропавшие животные. Если Лестрейд ничего не знает, он по крайней мере скажет нам, с кем из членов семьи можно связаться. Но по какому вопросу связаться? Извините за прямоту, мисс Джекилл, но вы непохожи на персону, которая имеет связи с преступниками и может знать об их местонахождении.

– И все-таки я могу знать, где найти Хайда, – ответила Мэри.

– В самом деле? – Холмс улыбнулся. Было ясно, что он ни на секунду ей не поверил. – Это было бы замечательно, мисс Джекилл. Можете мне рассказать?

Мэри заговорила самым деловым своим тоном.

Диана: – Самым деловым? Да она всегда говорит так, будто ведет деловое собрание. Вы, наверно, имели в виду ее самый менторский тон.

Жюстина: – Диана, ты же знаешь – все, что тебе говорит Мэри, служит твоему же благу. Кто-то ведь должен тебя удерживать от проказ. Кто, например, изрезал ножницами все наше нижнее белье, потому что Мэри сказала, что этот кто-то на сей раз не поедет в Вену?

Мэри: – Можно подумать, что словами можно ее от чего-то удержать. А теперь миссис Пул мучается, зашивая наше белье, – когда я ее последний раз видела, она была просто в отчаянии…

Диана: – Удержать! Еще чего! В тот день, когда я послушаюсь Мэри, я съем собственные ботинки.

Мэри: – По крайней мере это ненадолго займет твой рот, и мы насладимся тишиной.

Мэри заговорила самым деловым своим тоном.

– После смерти моей матери мой поверенный… – не то чтобы мистер Гест оставался ее поверенным, но так оно звучало более респектабельно, – сообщил мне, что она регулярно выплачивала некую сумму Обществу святой Марии Магдалины. Один фунт в неделю – на содержание Хайда. Взгляните.

Она вытащила расчетную книгу, водрузила ее поверх стопки книг на столе и открыла на нужной странице. Мужчины склонились над ней, чтобы лучше разглядеть.

– Я подозреваю, что Хайд шантажировал ее какой-то информацией, полученной за время службы у моего отца. Сегодня утром я разузнала об адресате платежа, Общество Марии Магдалины – это благотворительный приют в Уайтчепеле. Думаю, мы можем найти Хайда там.

– Дело становится все интереснее, – сказал Холмс. – И все больше стоит дальнейшего расследования. К сожалению, сегодняшний день у меня целиком занят с Лестрейдом. Эти убийства – что-то особенное, Флит-стрит никак не может успокоиться, каждый день очередная жертва появляется на первой странице газет. Особенно подчеркивается, что тела расчленены – у одной жертвы отрезали руки, у другой – голову… Но я уверен, что истина об убийствах в конце концов окажется простой. Зрелищные и кровавые дела обычно проще и скучнее, чем они кажутся изначально.

– Наверняка убийца – сумасшедший, – сказал Ватсон. – Кому еще в голову придет убивать молодых женщин и резать на части их тела? Конечно, это маньяк-безумец.

– Даже безумцы в своем безумии следуют определенным схемам, – возразил Холмс. – Ватсон, я попросил бы вас сопроводить мисс Джекилл в этот благотворительный приют. Попробуйте определить, в самом ли деле там скрывается Хайд – разумеется, незаметно. А после вы можете встретиться со мной и все мне изложить.

– Сопроводить мисс Джекилл? – воскликнул Ватсон. – Холмс, вы не можете посылать девушку в Уайтчепел на поиски опасного преступника! Это неблагоразумно даже для вас, Холмс. И примите во внимание название общества. Наверняка неприлично и неуместно…

– Я готова пойти, – вмешалась Мэри. – И я понимаю, на что указывает название общества. Я внимательно читала Библию и знакома с историей Магдалины. Как бы я могла жить в Лондоне, не зная, что на улицах города встречаются проститутки и что существуют общества для их спасения. Доктор Ватсон, в самом деле, я же читаю газеты.

Хотя Мэри и прожила в Лондоне всю свою жизнь, бывать в Ист-Энде ей ни разу не приходилось. Миссис Пул предостерегала ее, что эти районы – Уайтчепел и Спиталфилдс – просто настоящая обитель зла. Так что Мэри было даже любопытно посмотреть, и впрямь ли там так ужасно, как ей говорили.

Миссис Пул: – Отправлять вас туда, мисс, – это был крайне неподобающий поступок!

Кэтрин: – Это я еще не перешла к той части, где Холмс действительно отправляет ее в опасное место, миссис Пул! Пожалуйста, не пугайте наших читателей раньше времени.

Мэри: – Если у нас вообще будут читатели. Вы думаете, кто-то правда может настолько заинтересоваться нами и тем, как наши жизни пересеклись?

Беатриче: – Люди всегда интересуются чудовищами. Думаю, Кэтрин это хорошо известно.

Кэтрин: – Да, это так.

– Поэтому я и отправляю с ней вас, – сказал Холмс. – Вы обеспечите ей необходимую защиту. Вы ведь никогда не видели Хайда, а она видела – он был лаборантом ее отца. Мисс Джекилл, вы уверены, что сможете узнать его – по прошествии стольких лет? Не забывайте, тогда вы были только ребенком.

– Абсолютно уверена, – ответила Мэри. – Такого человека, как мистер Хайд, забыть невозможно.

– Что же, – сказал Холмс, – тогда начнем наше расследование. Мисс Джекилл, вы ответственны за опознание мистера Хайда. Если вы его действительно обнаружите, наше дело – его арестовать и обеспечить получение вами награды. Ватсон, вы отвечаете за безопасность мисс Джекилл. Вы не будете делать ничего – повторяю, ничего – кроме того, что установите, там ли Хайд. После посещения вами приюта мы вместе обсудим дальнейший план действий.

– Хорошо, Холмс, – ответил Ватсон. – Я бы предпочел не впутывать в это дело мисс Джекилл, однако, несомненно, если Хайд жив, его следует арестовать. Нельзя позволять опасному преступнику скрываться в Лондоне.

– Может быть, мы тогда пойдем? – Мэри взглянула на часы. – Уже почти полдень, и я уверена, что дорога тоже займет у нас некоторое время.

Вообще-то она не имела представления, как долго добираться по указанному адресу – или как именно они собираются туда попасть, ведь не пешком же? Но бесконечное обсуждение так утомило ее – особенно рассуждения об уместности ее участия. Мистер Холмс по крайней мере мыслил практически.

Миссис Пул: – И совершенно неподобающе!

Кэтрин: – Да-да, конечно. Вы это уже отметили. Спасибо большое, миссис Пул.

– Встретимся снова здесь, у нас, Холмс? – спросил Ватсон. Мэри заметила, что он, надевая пальто, опустил в карман пистолет.

– Нет, найдете меня в Скотланд-Ярде. Если меня там не будет, значит, я отбыл с инспектором Лестрейдом.

Значит, сегодня Мэри собирается посетить не только Уайтчепел, но и Скотланд-Ярд! Это куда интереснее, чем сидеть дома и волноваться о нехватке денег. Она упаковала расчетную книгу обратно в портфель и встала.

– Хорошо, мистер Холмс, сегодня вечером мы отчитаемся вам в своих открытиях. Доктор Ватсон, вы готовы?

– Я найду нам кэб на Бейкер-стрит. Идемте, мисс Джекилл.

Мэри забрала из стойки свой зонтик, кивнула на прощание Холмсу, который улыбался – она представления не имела, чему именно, – и вышла вслед за Ватсоном. Спускаясь за ним по лестнице, она смутно беспокоилась о том, сколько может стоить кэб до Уайтчепела и чем она собирается за него платить. В ее кошельке можно было наскрести от силы пару шиллингов. Нужно было до визита к Холмсу зайти в банк, но она же не могла предположить, что ей придется брать кэб сегодня утром, просто хотела поскорее раскрыть тайну Хайда… К тому же она не очень представляла, как добраться до Клеркенвелла. Может быть, сегодня же вечером, после расследования, у нее все же получится закрыть счет матери и забрать деньги. Тогда она готова к таким неожиданным разъездам.

– Мистер Ватсон, насчет платы за кэб, – начала было она.

– О, не волнуйтесь, мисс Джекилл, – он придержал перед ней входную дверь. – Вы помогаете нам в расследовании. Все расходы, разумеется, берет на себя мистер Холмс.

Они вышли на Бейкер-стрит, по которой громыхали кэбы, а уличные торговцы выкрикивали: «А-атличная свежая треска!» или «Яблочки, яблочки, полпенни за фунт!». Слева виднелись деревья и лужайки Риджентс-парка, справа слышался шум Сити.

Мэри думала о том, что прочла в лабораторном журнале отца и в письмах, о том, что она не рассказала мистеру Холмсу. Ему не следовало об этом знать – по крайней мере пока. Но времени на раздумья у нее особенно не было – Ватсон взмахом руки уже остановил кэб и предложил ей сесть. Мэри подобрала край платья и уселась на кожаное сиденье, мысли ее устремились к тому, что ожидало их в Уайтчепеле.

Глава III
Общество святой Магдалины

По мере того, как пролетка катилась на восток, главные улицы становились все оживленнее, переулки и маленькие улочки – все у́же и даже темнее: сушившееся на балконах и окнах белье бросало тени на мостовую. Мэри, привычной к зеленой и широкой Мэрилебон-роуд, уайтчепелская Хай-стрит казалась сплошной мешаниной экипажей и омнибусов. Убожество домов не прикрывал ни единый лоскуток древесной зелени. Кэбмен отказался ехать по узким кривым улочкам Уайтчепела, так что пассажиры были вынуждены выйти и продолжить путь пешком.

Спрашивая дорогу у местных жителей – мужчин, мрачно куривших в дверных проемах, и женщин, торгующих иголками и прочей мелочевкой в грязноватых лавочках, – они шли вперед и вперед, пока Мэри окончательно не утратила чувство направления. Наконец они оказались на унылой площади с парком посредине: несколько деревьев бросало жидкую тень на мощеную гравием площадку, где дети пытались катать обруч. С трех сторон парк окружали многоквартирные дома с разбитыми окнами и перекошенными ставнями. С четвертой стороны стояла серая каменная церковь; на воротах висела дощечка с выцветшими буквами, возвещавшая, что это и есть приход Святой Марии Магдалины. К церквушке примыкала высокая каменная стена, за которой виднелись верхние этажи дома, оплетенного плющом. Над аркой ворот в стене была вырезана надпись: «ОБЩЕСТВО СВ. МАРИИ МАГДАЛИНЫ».

– Но как ему удалось здесь укрыться? – спросила Мэри.

Они с Ватсоном подошли к табличке на воротах:

«Миссия по спасению наших падших сестер во Христе. Часы посещений – между 2 и 4 пополудни, кроме субботы. Посетители мужского пола не допускаются».

– То, что мы и ожидали увидеть, – приют для падших женщин. Вам нельзя посещать подобное заведение, мисс Джекилл, – сообщил Ватсон.

Миссис Пул, я запрещаю вам это комментировать. Мы все и так знаем, что вы думаете.

– Почему? Из соображений благопристойности? Не уверена, однако, что у нас есть выбор, – ответила Мэри. – *Вас* сюда вообще ни под каким видом не впустят.

Она шагнула к воротам и позвонила в колокольчик.

Через несколько минут к воротам подошла женщина в сером шерстяном платье без украшений, похожем на монашеское облачение; волосы ее были затянуты на затылке в такой тугой пучок, как будто она боялась, что хоть одна прядка выбьется на волю. Высоким и каким-то неестественным голосом она произнесла:

– Я услышала ваш звонок только потому, что шла мимо. Часы посещений указаны на табличке, и вам должно быть известно, что вы явились не ко времени. Я – сестра Маргарет. Вы ищете кого-то конкретного?

– Моя фамилия Джекилл, Мэри Джекилл, – начала девушка, – и я хотела бы…

– Джекилл! – подхватила сестра Маргарет, и голос ее стал еще выше и резче. – Заходите сию же минуту. Миссис Рэймонд захочет немедленно с вами переговорить.

Она открыла ворота, заскрипевшие, как будто их никогда не смазывали, и настойчивыми жестами пригласила Мэри внутрь.

– Кто такая миссис Рэймонд? – спросила Мэри, не спеша войти на огороженную территорию. С чего бы кому-то в этом заведении стремиться с ней повидаться? Может, ее приняли за кого-нибудь другого?

– Миссис Рэймонд – наша директриса, – ответила сестра Маргарет таким тоном, будто ей приходилось объяснять очевидное. Но эта информация не отвечала на вопрос Мэри. С чего

бы директрисе подобного учреждения искать встречи с ней? Откуда ей вообще знать, кто такая Мэри? Хотя нет, конечно же, нет, внезапно догадалась она. Не она сама, а ее фамилия так заинтересовала сестру Маргарет.

– Мисс Джекилл, если позволите мне вмешаться… – начал доктор Ватсон.

– Вам нельзя, – оборвала его сестра Маргарет, как будто отгоняла собаку, вывалявшуюся в грязи. – Посетители мужского пола не допускаются. Исключений нет даже для родственников.

– Ну хорошо, – сказала Мэри. – Я готова поговорить с этой… миссис Рэймонд.

Ватсон взял ее за локоть.

– Мисс Джекилл, мне это не нравится, – тихо сказал он, чтобы сестра не услышала.

– Но я должна пойти, – Мэри обернулась к нему и отвечала так же неслышно. – Директриса приюта не может не иметь информации о мистере Хайде. Я должна все выяснить. Мы знаем, что платежи направлялись сюда, и вы сами видите, как сестра-как-ее-там отреагировала на мое имя. Подержите пока мои вещи? – она вручила доктору зонтик и портфель. С портфелем расставаться не хотелось, но она решила, что сохраннее на время оставить его Ватсону, чем вносить в ограду заведения, где может рыскать Хайд.

– Ладно, – согласился Ватсон. – Но я хочу, чтоб вы взяли с собой кое-что.

Принимая у нее зонтик, он незаметно вложил ей что-то в руку. Это был пистолет, который он принес с собой в кармане. Точнее говоря, револьвер.

– Вы умеете им пользоваться?

– Да, – ответила Мэри. Она и вправду умела: лакей Джозеф, который был сыном егеря из Линкольншира, научил ее. У нее даже был свой револьвер – он хранился дома, в ящике стола. Раньше он принадлежал ее отцу, и, едва войдя в возраст, она настояла, чтобы Джозеф научил ее с ним обращаться. Тот пытался протестовать, говорил, что это не дело для леди, что рядом всегда будет какой-нибудь мужчина, чтобы защищать ее. Даже тогда она не была уверена, что таковой защитник всегда будет рядом, а сейчас была глубоко благодарна Джозефу за те несколько уроков.

– Если вы не вернетесь в течение часа, я иду вслед за вами. Не знаю, что все это значит, но знаю одно – Хайд был преступником, и если он жив, то остается опасным. Если он находится в этом здании, я хочу, чтобы вы в случае чего могли себя защитить.

Мэри кивнула.

– Я понимаю.

Ей не хотелось, чтобы он заметил, как ей… тревожно. Тревожно – да, вот самое подходящее слово.

Диана: – Никому не напугать нашу Мэри!

Мэри: – Не говори глупостей. Я вполне могу чувствовать испуг, как и все остальные люди. Ты, например, меня то и дело пугаешь. Помнишь, что было в Вене, когда ты чуть не подожгла психиатрическую лечебницу? И едва не погибла, потому что делала все ровно наоборот, а не как тебе сказали мы с Жюстиной?

Диана: – А не надо было тебе выпендриваться, как ***(мы приняли решение удалить окончание комментария Дианы, так как надеемся, что наша книга найдет читателей как среди людей зрелого возраста, так и среди молодежи).***

Кэтрин: – Диана, в моей книге нет места подобным выражениям. Советую попробовать выражать свои эмоции, не прибегая к оскорбительной и бранной лексике.

Диана: — ***(Комментарии опущены. Серьезно, просто прекрати это. Помимо прочей возни с этой рукописью из-за тебя ее придется подвергать цензуре.)***

Но что могло случиться с ней в церковной общине, посвященной спасению душ «магдалин» – то есть проституток, которыми так и кишели улицы Лондона, особенно здесь, в Ист-Энде? Повернувшись так, чтобы прикрыть револьвер от взгляда сестры Маргарет, Мэри тихонько опустила его в сумочку. Слава богу, сумочка у нее была практичная, непохожая на любимые утонченными леди крохотные кошельки, состоящие из сплошных вышивок и бисера. Снова развернувшись к воротам, она постаралась придать себе уверенный вид и ничем не выдать своего нежелания переступать этот порог. Она вошла; сестра Маргарет стала закрывать за ней ворота, и от их скрипа Мэри не выдержала и обернулась. Доктор Ватсон ободряюще смотрел на нее сквозь решетки и со значением указал пальцем на свои часы, напоминая, что у нее есть только один час.

Она легонько помахала ему рукой и пошла за сестрой Маргарет, стараясь не слишком задумываться об этом месте и о том, что ее может тут ожидать. Она проникла внутрь, а значит, подписалась на это приключение, каковы бы ни оказались его последствия.

Они миновали внутренний двор, гладко вымощенный вплоть до бордюра вдоль стены дома, у которой там и тут росли тисы, тянувшие ветви к жидкому солнечному свету. Стены дома до третьего этажа густо оплетал плющ, придавая зданию зловещий вид. Сестра Маргарет проводила Мэри по каменной лестнице на третий этаж. Наверху ее ждал длинный коридор, который вел к еще одной тяжелой деревянной двери. Похоже, Общество святой Магдалины просто изобиловало такими дверьми, словно кто-то специально стремился оформить приют в тяжелом и зловещем стиле. Сестра Маргарет постучала.

– Входите! – откликнулся голос изнутри.

Сестра Маргарет толкнула дверь, которая отворилась с громким скрипом.

– Миссис Рэймонд, к вам Мэри Джекилл.

Приятной наружности женщина с седеющими, металлического цвета волосами поднялась навстречу из-за стола. Как и сестра Маргарет, она была одета в серое платье, но ее облачение вроде бы было шелковым, а с пояса свисала внушительная связка ключей.

– Рада, что вы наконец пожаловали, мисс Джекилл, – сказала директриса. – Я отказываюсь от содержания этого ребенка. Мы больше не готовы ее здесь терпеть – она доказала свою совершенную неисправимость. Я многократно писала вашей матери, чтобы она приезжала забрать Диану, но она ни разу мне не ответила.

– Диану? – Мэри перестала понимать, что происходит. – Кто такая Диана?

Что вообще все это означало?

– Вы – дочь миссис Джекилл, верно? – спросила директриса, глядя на нее так, будто сомневалась в ее умственной полноценности.

– Да, конечно, – отозвалась девушка.

– Тогда, я полагаю, вы прибыли, чтобы забрать ребенка под свою ответственность. Миссис Джекилл была щедра к нашему приюту, но в любом случае мы не можем больше содержать девочку здесь. Она постоянно подрывает дисциплину. Бормочет ругательства во время общих молитв. А что она сделала с крестильной купелью в церкви Марии Магдалины, где мы проводим богослужения, я даже произнести не могу.

Мэри пораженно смотрела на нее. О чем директриса вообще говорит? И какое это имеет отношение к Хайду?

– Я все еще не понимаю, – сказала она. – Вы писали моей матери?

– Да, отправляла письма на адрес ее поверенного. Некоего мистера Аттерсона с Гонт-стит.

– Но мистер Аттерсон умер несколько лет назад, и его контора находится совсем не на Гонт-стрит – может быть, вы писали на его домашний адрес? Это объясняет, почему моя мать не получала от вас никаких писем…

– Все это, – оборвала ее миссис Рэймонд, – не моя проблема. Сейчас девочка сидит под домашним арестом в своей комнате за распевание неподобающих песен во время обеда. Мы можем собрать ее вещи за пятнадцать минут.

– Постойте, – начала было Мэри, но миссис Рэймонд уже развернулась и целеустремленно вышла из кабинета. «Что это за девочка? Кто такая Диана?» – хотела спросить Мэри, но ей оставалось только пойти за директрисой. Сестра Маргарет семенила за ними по пятам. Они дошли до середины коридора и поднялись по еще одной лестнице. Ступеньки мыли две женщины в простых серых платьях, белых фартуках и чепцах; при приближении процессии они поднялись и присели в реверансах.

– Эти обе спасены из борделя в Лаймхаусе, – пояснила на ходу миссис Рэймонд. – Мы здесь заняты великой миссией, мисс Джекилл, мы возвращаем Господу его заблудших овечек.

Мэри кивнула, не особенно ее слушая, но когда они поднялись на следующий этаж и пошли вдоль по коридору, ее очень заинтересовали комнаты с раскрытыми дверьми, мимо которых они проходили. Внутри длинными аккуратными рядами сидели женщины в серых платьях, белых фартуках и чепцах, и были заняты шитьем.

– Наши магдалины выполняют работу на благо миссии, – поведала директриса. Что-то эта миссия казалась Мэри слишком унылой. Швеи работали молча – не было слышно ни смешков, ни легкой болтовни, которая всегда возникает в помещении, полном молодых женщин. Если кто-то из них и поднимал голову взглянуть на проходящих, то лишь на секунду, чтобы снова тут же уткнуться в шитье. Наконец миссис Рэймонд дошла до нужной двери и окликнула:

– Диана, к тебе пришли. Эта леди собирается забрать тебя с собой.

– Чертовски вовремя, – послышалось из-за двери.

Мэри переступила порог. На кровати, скрестив босые ноги, сидела девочка в белой сорочке. У нее были рыжие вьющиеся волосы, спускавшиеся лохматой гривой до самого пояса, и целая россыпь веснушек на лице. Вокруг царил настоящий разгром. У стола у стены были выдвинуты все ящики, на полу валялась смятая одежда. С полки скинули все книги, которые тоже были рассыпаны по полу вместе с одеждой и бельем. Мэри заметила, что книги все благочестивого характера – Библия, «Проповеди преподобного доктора Трокмортона», некий том с надписью на корешке «О благомыслии и добрых деяниях». Последний лежал на полу раскрытым, обложкой вверх. Стол вытащили на середину комнаты, стул опрокинули. Повсюду блестели осколки разбитого кувшина, умывальный тазик был перевернут. Дополняли картину брошенные на пол подсвечник и расческа. На стене красовалась надпись большими красными буквами: «ВЫПУСТИТЕ МЕНЯ, ЧЕРТОВЫ ВОНЮЧКИ!»

– Что ты тут натворила, неблагодарная дрянь?! – ледяным тоном осведомилась миссис Рэймонд.

Девчонка с усмешкой подняла руку. Не было сомнений, откуда она взяла красную краску для надписи: длинный порез на руке был кое-как замотан обрывками сорочки. Кровь пропиталась сквозь тряпку и потемнела.

– Ох, какой ужас! – воскликнула сестра Маргарет. Она выглядела так, будто сейчас упадет в обморок.

– К счастью, ты больше не будешь моей проблемой, – сказала миссис Рэймонд. – Немедленно пакуй чемодан. Ты же не хочешь заставить мисс Джекилл ждать.

– Мисс Джекилл, вот оно что! – воскликнула рыжая. – Богатая семейка! Приятно познакомиться, мисс Джекилл. Куда вы меня забираете, вот что я хочу знать. В психушку, может? Или в тюрьму?

– Кто эта девочка? – в совершенном замешательстве спросила Мэри директрису. Пора уже было ей получить ответы на свои вопросы. А девочке, кто бы она ни была, пора было нормально перевязать рану.

– Это Диана Хайд, – непонимающе глядя на нее, ответила миссис Рэймонд. – Вы, разумеется, осведомлены о ней? Ее привезли к нам вскоре после смерти ее матери, с сопроводительным письмом от миссис Джекилл, где нам предписывалось за пожертвования заботиться о ее содержании и воспитании. Ваша мать делала выплаты раз в месяц. Она что, вам ничего не говорила?

– Моя мать умерла на прошлой неделе, – ответила Мэри. Господи, но зачем ее мать сделала нечто подобное? Девушка совершенно запуталась.

– Ох, Господи! – воскликнула сестра Маргарет. – Как это ужасно!

– Мои соболезнования, – скупо сказала миссис Рэймонд, но это прозвучало неискренне. В ее голосе скорее угадывалось злорадство. Есть такие люди, которых радует смерть, если она их самих никак не касается. – Но мое решение от этого не изменится. Девочка должна покинуть наше заведение.

– Но вы не можете отправить ее без всяких объяснений, – запротестовала Мэри. – Я поняла только, что моя мать поместила этого ребенка под вашу ответственность и платила за ее содержание. Полагаю, что девочка каким-то образом связана с лаборантом моего отца, мистером Хайдом. Но каким именно?

Что за интерес мог быть у ее матери к этому ребенку? Чисто благотворительный, наверное. Подобные деяния были вполне в духе Эрнестины Джекилл. Но почему она ничего не сказала об этом Мэри? Девочке, должно быть, лет тринадцать или четырнадцать, хотя она и маловата для своего возраста – очевидно, кормежка в Обществе святой Магдалины была не слишком обильной…

Диана: – Не слишком обильной! Да они нас морили голодом до полусмерти, эти чертовы святоши, эти…

Кэтрин: – Я тебя уже предупреждала об использовании такого рода выражений.

– Ну что, – сказала Диана, – собираешься ты наконец забрать меня отсюда?

Собиралась ли она? Мэри пришла в чудовищное замешательство. У нее не было ни единой догадки, с какой стати ее мать заботилась об этом ребенке на протяжении последних десяти лет. Однако по какой-то причине она это делала, а значит, Мэри унаследовала от нее это обязательство. В конце концов, она же собиралась закрыть банковский счет, а это значит, что выплат на содержание девочки больше не будет. Что в таком случае Общество Магдалины решит с ней сделать – выкинуть за порог?

– Если бы девочка осталась здесь… – начала она.

– Нет, мисс Джекилл, мы не намерены оставлять ее, – отрезала миссис Рэймонд. – Наше общество создано для помощи падшим ангелам Господним, а не взбалмошным детям. Так что, боюсь, вопрос не обсуждается, – она улыбнулась мрачной и непреклонной улыбкой.

Мэри снова перевела взгляд на девочку. Ее рука срочно требовала лечения. Ясно было, что никто здесь не собирается этим заниматься… А еще оставалась тайна ее происхождения и фамилии. Каким образом она связана с Хайдом? Если оставить девочку здесь, Мэри никогда этого не узнает. По возрасту она вполне подходит Хайду в дочери… а если так, может, ей известно о местонахождении ее отца?

– Хорошо, – выговорила Мэри наконец. – Я могу ее забрать.

– Благодарю вас, мисс Джекилл, – ответила миссис Рэймонд. Теперь, когда вопрос был улажен, она снова стала обходительной. – Может быть, вам удастся вколотить в это маленькое чудовище немного ума. Мы старались приучить ее к полезному труду, но это оказалось невозможным. Изначально мы принимали ее с намерением воспитать из нее служанку для частного дома, или же надеялись открыть у нее монашеское призвание…

– Хрен тебе, сука старая! – крикнула Диана, вскочила и начала отплясывать на кровати какой-то дикий танец. Она скакала так неистово, что Мэри побоялась, как бы она не свалилась.

– Если хочешь уйти со мной, лучше собери свои вещи, – попросила она. Девочка казалась неуправляемой. Господи, что же Мэри намерена с ней делать?

Диана спрыгнула с кровати, подобрала с пола первое попавшееся платье и кое-как натянула его. После чего принялась запихивать оставшуюся одежду в чемодан, который она вытолкала из-под шкафа. Ладно, разобрать ее вещи можно будет позже. Сейчас важно как можно скорее выбраться отсюда и обсудить ситуацию с доктором Ватсоном.

– И обуйся, – велела миссис Рэймонд.

– Не хочу, – огрызнулась Диана.

– Делай что хочешь, – вздохнула та. – В конце концов, больше я за тебя не отвечаю.

– Зато, похоже, отвечаю я, – вставила Мэри. – Поэтому надень ботинки, иначе я тебя здесь оставлю.

Диана сердито зыркнула на нее, но все же вытащила из-под кровати пару башмаков и надела их прямо на босые ноги.

– Ладно, вот я готова. Вытащи меня отсюда, чтобы я больше не видела этой мерзкой рожи, – она показала язык сестре Маргарет, которая выглядела шокированной и даже слегка испуганной.

– Довольно, – оборвала ее Мэри. – Если хочешь идти со мной – идем.

Диана: – Вот он, тот самый тон. Который вы можете, конечно, называть деловым, если хочется.

Мэри: – В тот момент я была очень близка к тому, чтобы все-таки тебя там оставить. Благодари судьбу, что я этого не сделала!

Диана: – Это они пусть лучше благодарят судьбу! Останься я у них еще хоть на неделю, я бы сожгла этот курятник к чертовой матери.

Миссис Пул: – Не сомневаюсь, ты на такое способна. Иногда мне кажется, что ты – сущий демон в обличье ребенка! И нечего высовывать язык. Я на это уже насмотрелась, больше меня такими штучками не проймешь.

Мэри вместе с сестрой Маргарет кое-как стащили чемодан Дианы вниз по лестнице. Диана скакала по ступенькам впереди, мурлыкая какую-то мелодию. Миссис Рэймонд проводила их до входной двери и смотрела им вслед, пока они шли через двор к воротам, как будто хотела убедиться, что Мэри и Диана точно уходят.

На лице Ватсона, поджидавшего по ту сторону решетки, при виде Мэри отразилось облегчение.

Сестра Маргарет помогла вытащить чемодан за ворота и скользнула обратно, чтобы запереть засов. Она повернула ключ в замке и только тогда воскликнула:

– Да благословит вас Господь и сохранит… где-нибудь подальше отсюда, дьяволенок!

– Иди в жопу! – крикнула в ответ Диана и сделала грубый жест.

– Доктор Ватсон, – сказала Мэри, едва ли не смеясь от вида его изумленного лица, – мне сообщили, что это – мисс Диана Хайд и что теперь она поступает под мою ответственность.

Ситуация притом ничуть не была смешной – просто изумленный доктор так забавно выглядел. Пожалуй, его лицо точно выражало и ее собственные чувства.

– Привет, как поживаете, – поздоровалась Диана. – Любой друг моей сестрицы – мой друг тоже.

– Сестрицы? – переспросила Мэри. – Что ты имеешь в…

– Доктор Ватсон! Доктор Ватсон! – по улице к ним мчался какой-то мальчишка. Типичный лондонский беспризорник в одежде с чужого плеча, с дырками на коленях и в мятой кепке на голове. Подбежав, он остановился и, уперев руки в бока, попробовал отдышаться.

– Что такое, Чарли? – спросил Ватсон, вынимая из кармана пенни.

– Мистер Холмс велел передать, чтоб вы шли к нему как можно скорей, – мальчик так стремительно выхватил пенни, что Мэри едва успела отследить его движение. – Нашли еще один труп. Тут неподалеку, просто я всю дорогу бежал бегом.

– Боюсь, вашим объяснениям придется немного подождать, мисс Джекилл, – сказал Ватсон. – Мне нужно поскорее доставить вас в Мэрилебон. Но как бы это устроить? В этом районе совсем нет кэбов…

– Я могу пойти с вами, – предложила Мэри. – Все равно мне нужно поговорить с мистером Холмсом, и это очень срочно. – Она хотела рассказать детективу обо всем, что произошло в Обществе Магдалины. Может, он сумеет пролить свет на эти странные события? – Можем мы послать домой чемодан вместе с ребенком?

– Ну уж нет! – вскричала Диана. – От меня так просто не избавишься! Куда б ты ни собралась, я с тобой. Ты ж теперь за меня отвечаешь, забыла?

– Мисс Джекилл, я не могу взять вас с собой на место убийства, – засомневался Ватсон.

– Не думаю, что у вас есть выбор. Я все равно без вас не найду дорогу отсюда до Мэрилебона. – Несмотря на сложность ситуации, Мэри опять разобрал смех. Ничего себе – она оказалась в центре Уайтчепела в компании доктора Ватсона и тайны в виде весьма грязной девочки. Чем она тут занимается? Убеждает взять её на место преступления. Что бы об этом подумала миссис Пул?

Миссис Пул: – И в самом деле, что?..

– Ну хорошо, – сказал наконец Ватсон. – Чарли, ты можешь позаботиться об этом чемодане? Мисс Джекилл сообщит тебе адрес. Найди экипаж и доставь багаж от ее имени, и смотри, чтобы он доехал до места в целости. И скажи, где мне искать Холмса.

– Ладно, сударь, – отозвался Чарли, бросая любопытные взгляды на Диану – особенно на ее голые лодыжки, видневшиеся из-под подола платья. Он явно не понимал, что девчонка вроде нее делает в почтенном обществе доктора Ватсона. Диана скорчила ему страшную рожу. Он вздернул нос с видом превосходства и нарочно перестал обращать на нее внимание.

Ватсон дал ему шиллинг, который исчез так же стремительно, как до того – пенни. Чарли умчался куда-то по переулкам Уайтчепела, пообещав, что «эт` только на минуточку, сударь». Пока они ожидали его возвращения, Мэри забрала у доктора свой зонтик и плащ и с благодарностями вернула ему револьвер. В двух словах она изложила ему события, произошедшие в приюте Магдалины, а Диана перебивала ее на каждом слове, не упуская возможности пожаловаться на заведение и поругать сестер. Услышав о порезе у Дианы на руке, Ватсон обеспокоился и сделал, что мог, наскоро промыв рану виски из фляжки, которую он носил в кармане – как он объяснил, «для экстренных случаев». Когда виски пролилось на свежую рану, Диана взвыла и забористо выругалась. Мэри невольно впечатлилась ее богатым словарным запасом, хотя и не хотела себе в этом признаваться.

Мэри: – Вовсе я не впечатлилась.

Диана: – Впечатлилась, и еще как.

Доктор заново перевязал порез, отрезав новые бинты от и без того уже загубленной сорочки с помощью карманного ножа. Как раз когда он закончил перевязку, вернулся Чарли, ведя с собой человека с тачкой. На тачку водрузили чемодан, и ее владелец обещал, что его брат, зеленщик, у которого есть овощная тележка, в целости и сохранности доставит груз в дом 11 по Парк-Террейс. Этот самый брат торговал овощами в Ковент-Гардене – «превосходная репка и капуста, мисс». Чарли объяснил Ватсону, где искать Холмса, хотя Мэри из его объяснений расслышала только фразы вроде «и свернуть около дома, где во дворе куры бегают».

Все это отнюдь не внушало ей доверия. Наконец Чарли закончил давать указания и оставил их, проследовав за владельцем тачки, громко насвистывая сквозь зубы.

Ватсон повернулся к спутницам.

– Мисс Джекилл и… мисс Хайд, так? Извольте теперь последовать за мной. Я постараюсь как можно скорее отвести вас к Холмсу, хотя даже не представляю, что он подумает, увидев вас на месте преступления.

– Значит, – спросила Диана, – это еще одно из тех убийств? В Святой Магдалине только о них и говорят последнее время. Конечно, в те минуты, когда там позволено говорить. Девица без рук, девица без головы… Тамошние говорят, что им от этого кошмары снятся. А чего не хватает у нынешней жертвы?

– Мы пока что не знаем, – ответила Мэри. – И если ты не намерена сдерживать свой язык, я тебя отправлю обратно, неважно, что сказала миссис Рэймонд. Так что, Бога ради, постарайся вести себя тихо и соблюдать приличия!

Сейчас на это не было времени – но девушка имела твердое намерение разгадать тайну Дианы Хайд. Кто эта девочка? Почему мать Мэри так долго платила за ее содержание? И с какой стати она назвала Мэри «сестрицей»? Но в данный момент доктор Ватсон вел ее вперед по узкой улочке, указанной Чарли, а Диана Хайд скакала – действительно скакала вприпрыжку, будто все это было детской игрой – рядом с ним. Мэри ускорила шаг, чтобы не отставать.

Жюстина: – Диана, мне всегда было интересно… Что же ты такое сделала с крестильной купелью?

Диана: – Я в нее нассала!

Жюстина: – Да, что-то подобное я и подозревала.

Глава IV
Убийство в Уайтчепеле

Приют Святой Марии Магдалины располагался неподалеку от уайтчепелской Хай-стрит, но Ватсон повел спутниц совсем в другую сторону – в глубину Ист-Энда. Улицы становились все более унылыми – с разбитой мостовой и грудами мусора. Женщины развешивали стираное белье, мужчины мрачно сидели на ступеньках многоквартирных домов, играя в карты или читая газеты. По улицам носились босые грязные дети – Мэри не понимала, то ли они играют в салки, то ли просто пытаются ударить друг друга на бегу. В воздухе воняло фабричным дымом, дешевой едой и людскими испражнениями. Даже солнечный свет здесь казался бледным, будто ему приходилось пробиваться сквозь толстые слои тумана.

Вот она, темная половина Лондона, где правят бал нищета и преступность, – тень, которую отбрасывает на землю яркий и преуспевающий Вест-Энд. Ну давайте, скажите, что я мелодраматична, попробуйте. Нам всем известно, какие тут условия жизни. И да, я отлично помню, что это не социальный трактат, спасибо большое, Мэри. Не стоит мне об этом напоминать.

По пути Мэри отвечала на многочисленные вопросы Ватсона о том, что произошло с ней в приюте Святой Магдалины. Она старалась поведать доктору в деталях все то, на что до сих пор у них не было времени. Они прошли мимо безногого солдата, просившего милостыню на углу улицы. Завернув за угол, они были облаяны здоровенной цепной собакой, которая не умолкала, пока кто-то не крикнул на нее из окна: «Заткнись, сука чертова!» Собака тут же замолчала и легла на землю, прижимая уши и скуля.

– Мисс Джекилл, я, право, не уверен, что верно поступил, взяв вас с собой, – сказал Ватсон.

– А что, вы до сих пор не знали, как живет другая половина Лондона? – хмыкнула Диана. – Значит, для меня тут прогуляться нормально, а для такой леди, как она, – уже нет? Ясненько!

«Если она скажет еще хоть слово, я ее ударю», – подумала Мэри. Диана то и дело вмешивалась в их с Ватсоном разговор, вставляя подробности о своей жизни в Обществе Магдалины: какой гадостью там кормили, кого из сестер она особенно ненавидела, за какие конкретно реплики ее заставляли мыть рот с мылом… «Будь у меня с собой мыло, я бы собственноручно помыла тебе рот, – думала Мэри, – и попробовала бы ты только кусаться, негодница!»

Диана: – Обязательно попробовала бы! И еще как. Я куда быстрее тебя и ловчее.

– Вам тоже не следует тут находиться, – ответил Ватсон. – Это неподобающее место для ребенка.

– Божечки, да я родилась в таком месте, – фыркнула Диана. – У нас во дворе был один дядька, мясник, он как напивался, так сразу бросался колотить свою жену. Но однажды он так нажрался, что свалился с лестницы и сломал себе шею. Тут ему и пришел конец! И к утру крысы обглодали его до самых костей. Смешная смерть для мясника, скажите же?

– Диана, – сказала Мэри, – даже крысам не под силу обглодать до костей человеческое тело за одну ночь. Если уж тебе хочется рассказывать сказки, хотя бы делай это правдоподобно.

– Ну ладно, – согласилась Диана. – Все это было совсем не за одну ночь! У его вдовы не было денег на похороны, и труп провалялся во дворе с крысами целых трое суток, пока его не увезло миссионерское общество, потому что он провонял нам весь двор!

– Довольно, – оборвала ее Мэри. – Доктор Ватсон, а куда именно мы направляемся?

– Думаю, это уже там, за углом, – указал доктор. – Лучше бы Чарли нас сам проводил, конечно: такие мальчишки, как он, знают каждый дюйм этого города. Но мне пришлось его отправить присмотреть за вашим чемоданом, мисс Хайд. Иначе я не мог быть уверен, что багаж прибудет по адресу.

Диана: – Мисс Хайд, прикиньте! Что и говорить, бывают на свете вежливые люди. А проводить вас я могла бы и сама – я знаю каждый дюйм Уайтчепела не хуже какого-то там Чарли. Но разве меня кто-нибудь спрашивал? Нет, конечно.

– Остается только надеяться, что я верно понял указания Чарли, – продолжал Ватсон. – Улочки в этой части города – сущий лабиринт. За каждым углом так и ожидаешь встретить Минотавра, и нити Ариадны очень не хватает!

За упомянутым углом обнаружилась самая узкая и грязная улочка из всех, виденных ими до сих пор. Посреди нее возвышалась худая фигура Шерлока Холмса. С ним были трое: два лондонских бобби[1] и еще низенький мужчина в невзрачном костюме, зато с ярко-рыжими волосами и взъерошенными усами. На земле у их ног лежала… хотя ее милосердно прикрыли полотном, все равно короткого куска ткани не хватило, чтобы скрыть все тело молодой женщины. Мэри видела ее башмаки и обтянутые чулками ноги. Полотно, прикрывавшее верхнюю часть тела, было мокрым от крови. Мэри шумно втянула воздух. Как только ей могло показаться, что на месте преступления будет интересно? Это было вовсе не интересно, а чудовищно.

Диана: – Чудовищно, но интересно!

Мэри: – Чудовищно. Но Диана права – какая-то доля интереса во всем этом присутствовала. Я до сих пор помню башмаки убитой: каблуки были стоптаны, и я невольно задумалась: она просто небрежно относилась к своей обуви или не могла себе позволить поставить набойки у сапожника? На одном из ее чулок виднелась штопка. Так странно, какие обыденные вещи мы подмечаем, когда происходит нечто настолько – да, чудовищное – самое подходящее слово.

– Ватсон! Как раз вовремя, – сказал Холмс. – Хотя я удивлен, что вы привели с собой мисс Джекилл. Что, нельзя было поймать кэб и отправить ее домой? Извините, мисс Джекилл, что обсуждаю вас, как какой-нибудь предмет багажа, я не это имел в виду. Просто считаю, что здесь крайне неподходящее место для леди. А это еще что такое? – он сердито глянул на Диану.

– То, что мы нашли в Обществе святой Магдалины, – ответил Ватсон.

– Ее зовут Диана Хайд, – вмешалась Мэри. – Это и есть Хайд, за содержание которого моя мать ежемесячно вносила плату. На вид ей лет тринадцать или четырнадцать, хотя, конечно, девочка немного тщедушная. Вы не думаете, что…

– Задница у тебя тщедушная! – окрысилась Диана. – И мне, между прочим, четырнадцать, спасибо большое. Я не какая-нибудь нищенка, которую родили под забором, и отлично знаю свой день рожденья.

– Что это дочь мистера Хайда? – закончил за Мэри Холмс. – Полагаю, на этот вопрос никто нам не ответит лучше нее самой.

– Полагаю, саму ее мы еще не спрашивали, доктор? – спросила Мэри.

– У нас не было времени, – отозвался тот.

– Чего это вы говорите обо мне так, как будто меня тут нет? – Диана сердито скрестила руки на груди.

---

[1] Бобби – жаргонное название лондонского полицейского (Бобби – сокр. от Роберт – от имени Роберта Пиля, реорганизатора лондонской полиции).

– В таком случае проще всего будет наконец спросить, – Холмс повернулся к девочке и опустил ей руку на плечо, не давая ей сделать то, что она, по всей видимости, собиралась – а именно пнуть Мэри в лодыжку. – Отвечайте: вы – дочь мистера Эдварда Хайда?

Диана вывернулась из его хватки и отскочила, злобно глядя на всех.

– Мама всегда мне говорила, что мой папаша – джентльмен, который называл себя мистером Хайдом. И поэтому мне надо вести себя как настоящая леди, раз уж я дочка джентльмена. Но он никогда не заходил меня навестить при жизни мамы. А потом меня отослали в «Магдалину».

– Значит, вы не можете знать, где он сейчас находится, – заключил Ватсон.

– Холмс, я не знаю, о чем вы думали, притащив на место убийства женщину и ребенка, – вмешался рыжеволосый. – Ватсон – да, он может быть полезен, хотя в последнее время он в основном занят описанием ваших подвигов, а не исследованием мертвых тел. Но этим двоим здесь совершенно нечего делать.

– Я вам не ребенок, – огрызнулась Диана. – А ты сам-то кто такой, рыжий-бесстыжий?

– Кто бы говорил о рыжине! – возмутился тот, глядя на ее огненные волосы.

– Позвольте представить вам инспектора Лестрейда из Скотланд-Ярда, – сказал Холмс. – Ему нечасто приходится запирать юных дам под замок за грубость и хамство, но лучше его не искушать. Лестрейд, это мисс Джекилл, дочь доктора Джекилла, замешанного в деле об убийстве Кэрью. Возможно, вы его помните, хотя и прошло немало лет. Мисс Джекилл здесь по делу и находится под моей ответственностью. Но я боюсь, мисс Джекилл, что это убийство превосходит ваше дело по срочности. О нем доложили только час назад. Разнорабочий, работавший в этом квартале, обнаружил в этом переулке тело женщины по имени Молли Кин. Я еще не исследовал труп и собираюсь этим сейчас заняться. Коль скоро вы и мисс Хайд уже здесь, можете остаться, однако я бы предложил вам отвернуться. Боюсь, это зрелище не для слабонервных.

Мэри неопределенно помялась, не уверенная в своей готовности увидеть то, что скрывала простыня.

– Но у нее на месте голова? – спросила она.

– Головы не было у предыдущей жертвы, – сказал Лестрейд. – Убийца никогда не ампутирует одни и те же части тела. Если приглядитесь, увидите очертания ее головы… вернее, некоторой ее части. Однако, Холмс, я протестую. Это противоречит правилам.

Не обращая на него внимания, Холмс поднял простыню и подал ее одному из полицейских, который взял ткань осторожно, стараясь не запачкаться в крови.

Мэри ахнула.

– Ужасно, – сказал Ватсон.

– Господи, ничего себе он с ней разделался, – сказала Диана.

Молли Кин казалась примерно ровесницей Мэри. Должно быть, при жизни она считалась симпатичной. Черты лица были чистые и правильные, хотя само лицо уродовали следы ударов на щеках и под глазами. Безжизненный взгляд был устремлен в серое небо. Плечи ее были все в крови, платье потемнело. Мостовая была еще мокрой после утреннего дождя, и камни сделались скользкими от крови, которая натекла в промежутки меж камней и застыла в них загустевшей массой. Длинные окровавленные волосы покойницы прилипли к мостовой. Мэри заставила себя взглянуть на то, чего невольно избегала, – на голову убитой, лежавшей в темной луже. У головы отсутствовала вся верхняя часть, от бровей и выше.

– Он распилил ей череп и вынул мозг, – сказал Холмс.

– Но зачем… зачем он это сделал? – спросила Мэри.

– Это наверняка сумасшедший, – пояснил Лестрейд. – Кто бы еще такое мог вытворить? Молли Кин была обычной – гм, нет, я не собираюсь произносить этого при дамах. Вам здесь не место, да, вам обеим.

– Проституткой, – кивнула Диана. – Да мы поняли. Сразу видно по румянам на щеках.

– Но не такой уж обычной проституткой, – добавил Холмс. – Взгляните на ее руки. На них нет мозолей от ежедневной ручной работы, и одежда на ней качественная, хотя и заштопанная, и многократно чиненная. Хотя эта женщина и стала падшей, раньше она была леди.

– Насчет этого вы правы, – сказал Лестрейд. – Пока мы вас тут ждали, сержант Дебенхем поговорил с одной из девчонок, которые тут работают. Сейчас он отвел ее в трактир за углом и велел подождать. Еще он задержал парня, который нашел тело, – это нищий, известный под кличкой Бедный Ричард. Другие его имена неизвестны. Мы подумали, что вы захотите с ними побеседовать, Холмс. По словам подружки Молли Кин, она работала гувернанткой, пока ее не соблазнил хозяин, а хозяйка не выкинула за дверь. Ребенок умер сразу после рождения, а ей пришлось идти на улицу зарабатывать на хлеб своим телом.

– Печальная история, хотя, увы, не единственная в своем роде, – Ватсон покачал головой.

– Бедная девушка, – сказала Мэри. Ей случалось читать о теневой стороне лондонской жизни, но лично она сталкивалась с ней впервые. И увиденное поразило ее, хотя и не так сильно, как должно было. В конце концов, это и есть жизнь… Жизнь, о которой она так часто размышляла, глядя на улицу из-за занавесок на окнах дома на Парк-Террейс.

– Дура она бестолковая, – сказала Диана. – Я всю жизнь прожила со шлюхами, сперва с работающими, потом – с исправленными. Шлюхи знают сто способов, чтобы не забеременеть. Или заставляют клиента вынуть вовремя, или используют кусочки кожи, или…

– Диана! – воскликнула Мэри.

Диана: – Хотела бы я знать, чего тут ужасного? Вот забеременеть – это ужас!

Мэри: – Есть вещи, о которых девушкам просто нельзя говорить вслух, особенно в присутствии джентльменов.

Диана: – Ну и дуры эти девушки. Такие же, как эта Молли Кин.

– Возможно, она жила греховной жизнью, – сказал Холмс, – но умерла она храбро. Посмотрите на ее правую руку. Ногти сломаны, под ними кровь и частицы кожи. Бедная девушка защищалась изо всех сил.

– А что это у нее в левой руке? – спросила Мэри.

Прежде чем Мэри успела остановить ее, Диана нагнулась над трупом Молли Кин, пачкая в крови носки ботинок и край платья. Низко склонившись над убитой, она разжала ее закоченевшую руку и вытащила то, что девушка зажимала в кулаке: металлическую пуговицу.

– Диана! – снова воскликнула Мэри.

– Черт побери, – брызгая слюной, сказал Лестрейд. – Вы что, не слышали, что нельзя прикасаться к жертве? Холмс, вы виноваты во всем этом безобразии.

– Хорошо, я виноват, – согласился Холмс. – Вам не следовало этого делать, мисс Хайд. Вы могли уничтожить отпечатки пальцев на улике, хотя вряд ли на ней остались хоть чьи-то отпечатки, кроме самой Молли. Но коль скоро вы… что это такое?

– Какая-то пуговица… нет, печатка от часовой цепочки, – ответила Мэри, положив металлический предмет в свой носовой платок, чтобы не прикасаться к нему, и внимательно его исследовала. Печатка была бронзовой и тяжелой. – Звено от цепочки до сих пор на ней. И здесь видно… – Печатку покрывала засохшая кровь, однако на ней все же можно было рассмотреть гравированные буквы – S.A. – Какие-то инициалы. Или сокращение для чего-нибудь – может быть, девиза.

– Похоже на то, – сказал Холмс. – Мне случалось видеть подобные печатки членов научных сообществ, социальных клубов и даже крикетных команд. Владельцы часто используют их именно как печати, что объясняет гравировку. Девушка, должно быть, оторвала ее от часов

убийцы во время борьбы. Мисс Джекилл, будьте добры, отойдите немного – я хочу внимательно осмотреть тело. И возьмите с собой свою подопечную.

Мэри схватила Диану за плечо и оттащила ее в сторону на несколько шагов. Холмс обходил тело вокруг – один раз, другой – в то время как остальные наблюдали за ним. Он выглядел почти комично, склоняясь над убитой, как молящийся богомол, исследуя землю вокруг нее, поворачивая туда-сюда ее голову, поднимая и опуская руки трупа, рассматривая ушибы. Наконец он принялся исследовать огромную дыру в ее черепе. Мэри пришлось отвернуться – ей стало нехорошо. Потом Холмс осмотрел улицу – от перекрестка до глухой стены по другую сторону. Мэри подумала, что это очень удобное место для совершения убийства. Улочка длинная и узкая, на стенах домов по ее сторонам – ни единого окна: все они выходят во дворы. Один массивный дом нависает над мостовой, загораживая ее от света. В глухом конце улицы виднелась арка широких ворот. Она походила на задний вход какого-нибудь склада, но дверь была заперта изнутри – Холмс несколько раз толкнул ее и постучал, чтобы убедиться. Того, что случилось прошлой ночью, никто не видел, и некуда было бежать бедной Молли Кин… Холмс внимательно осмотрел эту арку и еще раз вернулся к ней после исследования всей улицы.

– Как долго он собирается возиться? – спросил наконец Лестрейд, взглянув на часы. – Бедный Ричард и та девица ждут, и я хочу их допросить до того, как они слишком разволнуются от ожидания.

– Столько, сколько нужно, – отрезал Ватсон. – Вы достаточно хорошо с ним знакомы, чтобы знать о его методах.

«Сколько нужно», по мнению Мэри, заняло целую вечность. Она уже не знала, как ей держать в узде Диану – шепот ей на ухо, что Лестрейд может запереть ее в Ньюгейте, в самой темной подземной камере, где крысы отгрызают заключенным уши, уже начал терять свой сдерживающий эффект. Но наконец Холмс присоединился к остальным.

– Итак? – спросил Лестрейд.

– Они действовали очень аккуратно, – ответил Холмс.

– Они? Мы предполагали, что это все работа маньяка-одиночки, – Лестрейд неосознанно жевал конец своего уса. Мэри едва не рассмеялась, но напомнила себе, что дело совсем не смешное.

– Нет, убийц было минимум двое. И вам следовало давно уже меня пригласить участвовать в этом деле! Если бы у меня была возможность исследовать места гибели остальных девушек, я бы мог сейчас сказать вам больше. Очевидно, что с места преступления они убирались стремительно, иначе хотя бы попытались спрятать тело, как было в случае с Салли Хейвард и Анной Петтинджилл. Но утренний дождь смыл большинство следов. Осталось совсем немного зацепок. Ватсон, когда, вы сказали, она была убита?

– По общему состоянию тела – либо поздней ночью, либо ранним утром.

– Согласен. Они явно не хотели быть замеченными, так что воспользовались покровом ночной темноты. Я бы предположил скорее раннее утро, до начала дождя. Одежда у нее до сих пор сырая.

– А откуда вы знаете, что их было двое? – спросил Лестрейд. Именно этим вопросом сейчас задавалась и Мэри.

– Один оставил пару следов в грязи – там, под навесом, так что дождь их не смыл, – Холмс показал в начало улицы. Они как раз проходили под этим навесом, когда вышли из-за угла. – По расстоянию между отпечатками можно предположить, что рост преступника – около пяти футов. По их глубине в грязи устанавливаем, что он весит немного, стоунов восемь-девять. И еще, следы явно оставлены ботинками джентльмена.

– Джентльмена?! – воскликнул Ватсон. – Но что это за джентльмен, который может сотворить подобное?

– Да ладно вам! – встряла Диана. – Я видела, как джентльмены вытворяли такие вещи…

– А второй убийца? – спросила Мэри.

– Он следов не оставил, – сказал Холмс. – Но шея Молли Кин сломана, и не думаю, что у человека, которого я только что вам описал, хватило бы на это сил. Он маленький и легкий, к тому же хромой на одну ногу…

– Хромой? – воскликнул Лестрейд. – С чего вы это взяли, Холмс?

– Понял по отпечаткам его ног в грязи. Один след прямой, другой – слегка выгнутый, как если бы у него была деревянная нога, но след не деформирован, как был бы у деревяшки. Значит, это калека. У него не хватило бы физической силы распилить череп убитой – думаю, Лестрейд, тут речь идет о хирургической пиле. И об остром ноже, которым он извлек ее мозг. Может быть, о скальпеле. Тут имела место более сложная операция, чем в случае Полины Делакруа, которой просто отрезали голову целиком. Вырисовывается облик соучастников: один достаточно сильный, чтобы сломать женщине шею и распилить череп, второй – достаточно искусный, чтобы извлечь ее мозг. Вам следует искать медика, или, во всяком случае, человека с медицинским образованием.

– Это сам дьявол! – воскликнул Ватсон.

– Есть что-то общее, – согласился Холмс. – К сожалению, больше я вам сказать не смогу, дождь смыл слишком много улик. Теперь я хотел бы побеседовать с девушкой, которая опознала Молли Кин, и с этим Бедным Ричардом. Вы сказали, они ждут в ближайшем трактире?

– Я бы хотела пойти с вами, мистер Холмс, – сказала Мэри.

– Это даже не обсуждается, – отрезал Лестрейд. – Идет полицейское расследование, юная леди. Вам здесь не место.

Холмс взглянул на девушку с любопытством.

– Зачем это вам, мисс Джекилл?

– Ваше описание… Оно мне кое о чем напомнило. Кое о ком.

– В самом деле? Лестрейд, придется мне попросить вас об одолжении. Мисс Джекилл, если вы сможете контролировать поведение мисс Хайд, я позволю вам присутствовать при допросах. Но помните – до первого нарушения ею порядка.

– Попросить об одолжении! – воскликнул Лестрейд. – Вы так говорите, будто это что-то редкое. Вспоминая, сколько раз я уже давал вам волю…

Но Холмс, не слушая его, уже устремился вперед по улице, и инспектору ничего не оставалось, кроме как поспешить за ним, выкрикивая на ходу указания своим сержантам о транспортировке тела Молли Кин в Скотланд-Ярд. Ватсон пошел следом, а за ним и Мэри, тащившая за руку Диану.

Трактир находился сразу за углом улицы. Он назывался «Колокола», и выцветшее желтое изображение колоколов красовалось на вывеске над его дверью. Полиция очистила помещение паба, занимавшее второй этаж, так что внутри не было посетителей – только сам хозяин за стойкой, недовольный, что вынужден терять клиентов; утомленный и явно скучающий полицейский; и молодая женщина, одетая ярко, с дешевым шиком. Еще за столиком притулился бедняк с сивой лохматой бородой – должно быть, тот самый Бедный Ричард. Одежда его состояла из сплошного тряпья.

Миссис Пул: – На этот раз паб! Подумать только, что мисс Мэри пришлось переступить порог подобного заведения…

Мэри: – Миссис Пул, там не было посетителей. И присутствовал полицейский. И мистер Холмс вдобавок. И доктор Ватсон. Даже не знаю, куда еще респектабельнее.

Миссис Пул: – В расследовании убийства вообще нет ничего респектабельного.

– Сначала я поговорю с тем, кто обнаружил труп, – сказал Холмс. Лестрейд повел Бедного Ричарда в угол, где Холмс составил вокруг столика несколько стульев: один для себя,

другой – для допрашиваемого, и третий – для Лестрейда. Мэри тоже нашла себе свободный стул и уселась прямо за спиной Холмса, чтобы видеть лицо Бедного Ричарда на протяжении разговора. Диана вскарабкалась на барный табурет, а Ватсон привалился к стене. Мэри коротко помолилась про себя: «Господи, пожалуйста, пусть только Диана не открывает рта». Ей очень хотелось услышать, что скажет Бедный Ричард.

Беатриче: – И как тебе удалось так долго заставлять Диану молчать?

Диана: – Я отлично умею молчать, когда мне это зачем-нибудь нужно. А тут мне было нужно послушать, о чем пойдет разговор.

– Итак, – сказал Холмс, когда Бедного Ричарда усадили на стул напротив. – Расскажите, как вы обнаружили тело этой девушки, Молли Кин.

– В общем, сэр, дело было так. Я выполз на улицу покурить – и просто споткнулся о ее тело, типа того, – тонким высоким голосом сказал нищий. Мэри ожидала от него совсем другого тембра – это ведь, в конце концов, был крупный мужчина, хотя и одетый в лохмотья. – Тогда я побежал сказать Джиму, – нищий кивнул в сторону бармена, – и он сразу вызвал констебля. А больше я ничего не знаю, сэр. – Он смотрел на Холмса налитыми кровью глазами, и Мэри заметила, как трясутся его сцепленные на столе руки.

– Нет, так не годится, – Холмс улыбнулся ему отнюдь не доброй улыбкой. – Вы же знаете, что мне нужна правда – не более и не менее. Рукав вашей одежды заляпан кровью. Если вы не собираетесь мне рассказать, как вы на самом деле нашли тело Молли Кин, я прикажу сержанту Дебенхему вас арестовать как подозреваемого в убийстве.

К изумлению Мэри, Бедный Ричард на этих словах уронил голову на руки и начал всхлипывать. Да, тут и она заметила, что манжета его пальто из выцветшего твида, знавшего лучшие дни, запятнана красным. Стоит быть более наблюдательной… как мистер Холмс. Когда она впервые его встретила, с этой показной стрельбой в стену, она едва не приняла его за шарлатана. Но теперь, увидев его в действии, она не могла не восхищаться его наблюдательностью и дедукцией. Вот бы развить эти качества в себе самой!

Диана: – Надеюсь, что он никогда не прочтет эту главу. А то и не знаю, что подумает мистер Длинный Нос, если увидит, что его обозвали шарлатаном. Он избалован поклонением доктора Ватсона и всех читателей журнала The Strand!

Мэри: – Ему отлично известно все, что я о нем думала сначала. А также и то, что мое мнение с тех пор успело измениться.

– Давай-ка без этого, – сказал Лестрейд. – Просто отвечай на вопрос – или отправишься прямиком в тюрьму.

– Все в порядке, – вмешался Холмс. – Бармен, подайте-ка этому человеку пинту своего лучшего эля – за мой счет. Итак, хотите, я сам расскажу вам, что вы делали прошлой ночью? А вы подтвердите мои слова или опровергнете.

Бедный Ричард поднял голову и закивал. Похоже, перспектива выпить эля за чужой счет слегка подняла его дух.

– Вечером вы напились, как делаете при любой возможности. Невозможно ни с чем спутать этот красный нос заядлого пьяницы. Вы знали, что в конце улицы есть глубокая арка, скрытая от глаз, и там можно отлично выспаться так, что никто не прогонит. Возможно, вам уже приходилось там ночевать – подозреваю, это одно из ваших обычных мест ночевки. Итак, вы доковыляли до конца улицы и уснули. Вы все еще спали, когда двое неизвестных притащили на улицу Молли Кин и убили ее, но тут вы зашевелились во сне или издали какой-то звук. Думаю, именно этот звук всполошил убийц, и они бросились бегом с этой улицы. Они не ожидали там никого встретить. Вы их успели увидеть или услышать?

– Вы целиком правы, сэр, – сказал Бедный Ричард. – Я и правда заснул там в дверном проеме, хоть и не пойму, как вы догадались.

– Вы сказали правду, что вышли покурить, – ответил Холмс. – Вы действительно сидели под аркой и курили, пока вас не сморил сон. Я нашел там вашу спичку, а еще вы стряхивали пепел, и под прикрытием арки дождь не смог его смыть. Следы точно такого же пепла видны у вас на груди и на шарфе вокруг шеи. Пепел трубочного табака легко отличить от пепла сигарного или сигаретного, а в вашем нагрудном кармане ясно вырисовывается форма трубки. Никто не будет просто так сидеть и курить на темной улице среди ночи, но вечером, перед сном, это вполне естественное действие. Совершенно ясно, что вы явились на улицу, когда еще были сумерки, а потом заснули в дверном проеме. За щепку дверного косяка зацепилось несколько ниток от вашего пальто. Я ясно представлял себе курильщика трубки в твидовом пальто – и вот вы передо мной. Что вы спали в арке беспробудным сном, легко установить по состоянию ваших брюк – с мокрыми пятнами на коленях. Дверной проем довольно глубокий, но вы человек высокий, и вам пришлось согнуть ноги, так что колени торчали наружу, под дождь. Вы были настолько пьяны, что даже холодный дождь, намочивший вам брюки, не смог разбудить вас.

– Ну да, я точно не просыпался, – сказал Бедный Ричард. – Разве б я смог обратно заснуть, если бы видел, как убивали женщину! Меня от одной мысли в дрожь бросает – как она там лежит в темноте, мертвая, пока я сплю. Как вы думаете, сэр, ее привидение будет теперь меня преследовать?

– Но вы, очевидно, прикасались к телу, – сказала Мэри. – У вас на рукаве кровь, и никак иначе она не могла бы туда попасть.

– Это правда? – возмутился Лестрейд. – Смотри у меня, если я узнаю, что ты хоть что-то стащил с трупа…

– Пожалейте несчастного старика! – воскликнул Ричард, поспешно выворачивая карманы. Наружу показался грязный носовой платок. – Вот все, что я взял, и ни единой нитки больше! – Он встряхнул платок, и оттуда выпал новенький соверен, блестящий, хотя края его и были испачканы кровью. – Это лежало рядом с ней на мостовой. Наверно, выпал у нее из кармана или из рук. Но больше я ничего не брал, клянусь! Никак я не замешан в ее убийстве, – он промокнул платком глаза и шумно высморкался.

– Отлично, мисс Джекилл, – одобрил Холмс. – Да, убийца щедро заплатил Молли Кин – без сомнений, чтобы заманить ее на место ее убийства. Думаю, старина, с вами мы все уже обсудили. Можете идти, не вижу причин вас задерживать. Разве что у Лестрейда есть в тюрьме лишнее местечко для нищего бродяги.

Лестрейд тоже совершенно не хотел задерживать Бедного Ричарда. Когда старый нищий кое-как уковылял из паба, инспектор сказал:

– Не могу себе представить этого недоумка вырезающим у трупа мозги. Его хорошо знают в этом квартале, я прикажу местному констеблю не выпускать его из виду. Может, ему и известно об убийстве больше, чем он рассказал, но даже если он и был сообщником убийц, тем больше причин его никуда не запирать. Может, через него можно выйти на них. На свободе от него будет больше толку, чем в тюрьме.

Девушка, опознавшая убитую, казалась полной противоположностью Бедному Ричарду.

– Зовите меня Кейт, – сразу предложила она. – Меня так все зовут, по фамилии меня все равно тут никто не знает. Кейт Кареглазка, вот как я известна в округе, и для вас это тоже сойдет, сэр. Чем меньше говоришь о себе полиции, тем лучше, я так считаю. Но о бедняжке Молли я вам все расскажу. Ну и что, что она работала на улице, ничем она не заслужила такой ужасной участи.

– Разумеется, – согласился Холмс. – И что вы можете нам о ней рассказать?

Несмотря на яркий макияж, Кейт была свежей и хорошенькой девушкой, хотя, если приглядеться, становилось видно, что она не так молода, как хочет казаться, и что под слоем пудры на щеках у нее заметны оспинки. Однако она все равно была стройной, с яркими карими глазами, и походила на любопытную птичку. Мэри с интересом разглядывала ее. Вот, значит, как выглядит настоящая падшая женщина! Так же, как и любая другая, разве что платье более яркое и вульгарное, и манеры несколько более раскованные. В другой жизни из Кейт получилась бы отличная горничная, не хуже Энид.

– Ну, Молли была хорошей девушкой, раньше служила гувернанткой, пока ее хозяин не распустил руки. Нет, не знаю, у кого именно служила, – она об этом молчала, как и о том, откуда она сама родом. После смерти ребеночка она пошла работать на улицу и неплохо зарабатывала. Джентльменам нравилась ее образованность. Она одно время хотела с этим завязывать, пошла в специальное общество, но не выдержала там больше недели. Сказала, что ее затошнило от тамошнего ханжества. Нет, тоже не говорила, что это было за общество, – наверно, где-то поблизости, в Уайтчепеле или в Спиталфилдсе. Она вообще не из болтливых была, наша Молли. В последний вечер она была такой же, как всегда. Темнело уже, и холод, и дождь к тому же, так что клиентов не было, и мы сидели у огня тут в «Колоколах». Потом Молли говорит: мол, Кейт, пойду-ка я лучше домой. Я сказала, что еще посижу, пиво допью – сама-то Молли была как настоящая леди, ничего не пила, кроме воды. И вот она надевает свое пальто и выходит – и тут я подумала: я же уже почти допила, пара глотков, и все, догоню-ка я ее, и можно будет пойти домой вместе, по-дружески. Ее квартирка неподалеку от моей, и мы даже раздумывали о том, чтобы съехаться и вместе снимать жилье, так оно дешевле. Выхожу я, значит, и вижу, что она под конец все-таки подцепила себе клиента. Он как раз стоял с ней разговаривал, в свете окна хорошо было видно. Вам, наверно, надо знать, как он выглядел. Я его видела только мельком, когда мимо проходила, но различила, что он малорослый и кривой какой-то, вроде калеки. Напомнил мне Панча из «Панча и Джуди». И голос у него был странный, глухой какой-то, пришепетывающий, будто он старался, чтобы его не расслышали. Я и не слышала, что он говорил, но у меня от самого голоса мурашки пробежали. Я молча прошла мимо, ничего Молли не сказала, сразу пошла домой. Не хотела ей мешать, когда она с клиентом… А теперь жалею, что не пожелала ей хотя бы спокойной ночи. Это ведь последний раз, когда я ее видела, пока этот сержант меня не позвал ее опознавать, мертвую, лежащую на улице. Какой ужас с ней сотворил этот убийца – надеюсь, вы его поймаете и вздернете поскорее!

Кейт опустила глаза, глядя на свои руки, стиснутые на столешнице, но не заплакала. Что толку в слезах? Мы часто думаем, что женщины этого класса жестокосердны, потому что они избегают проявлять эмоции. Но чем могут слезы помочь Кареглазкам мира сего? Они слишком хорошо знают, что плач не принесет ни перемен, ни облегчения. Никто не поспешит осушить их слезы, никто не утешит в скорбях.

Мэри: – Ох, ради всего святого! Она получила в награду кое-что более ценное, чем утешение. Мистер Холмс поблагодарил ее и вручил ей соверен за помощь. А чем бы ей помогло, если бы он вместо того бросился осушать ей слезы? Кейт вовсе не сентиментальна, в отличие от тебя.

Жюстина: – Нам всем порой нужно человеческое сострадание.

Диана: – Мне оно трижды не сдалось.

Перед тем как встать, Кейт вдруг сказала:

– А ты мне кого-то напоминаешь, крошка. – Мэри с изумлением обнаружила, что она обращается к Диане, которая раскачивалась взад-вперед на барном табурете. – Ты случайно не из наших? Ты молода еще, конечно, но любителей юных девочек сейчас хоть отбавляй…

Диана ответила ей дерзким взглядом.

– Мою маму в заведении миссис Барстоу знали как Золоченую Лилию.

– А, тогда понятно. Я сама ее знала в юности, хотя у Барстоу ненадолго задержалась. У меня были трудные времена – не верь никому, кто скажет, что опий безвреден, это вранье, – а когда я наконец выправилась, заведение уже закрылось. Она была славная, твоя мамаша, с огоньком, и с нами, младшими девчонками, по-доброму обращалась. Надеюсь, у тебя нет проблем с этими господами законниками?

Диана отрицательно помотала головой, и Кейт продолжила:

– Ладно, если попадешь в неприятности, вспомни о Кейт Кареглазке. Меня можно найти тут, в «Колоколах». Любая подруга твоей мамки будет и тебе подругой, не забывай об этом.

– Думаю, мы на сегодня закончили с расспросами, – сказал Холмс, вручив девушке соверен и поблагодарив ее за ценные сведения. – Время чаепития уже давно прошло. Ватсон привык к моему образу жизни, мне часто приходится питаться нерегулярно, когда я занят расследованием. Но вы двое, должно быть, успели проголодаться. – В этот самый момент живот Дианы издал громкое урчание. – Ватсон отвезет вас обратно к Риджентс-парку, а я должен отправиться с Лестрейдом. Нам нужно многое обговорить.

– Но, мистер Холмс, – возразила Мэри. – Этот человек… Кривой джентльмен, калека с глухим голосом, похожий на Панча. Это же точное описание мистера Хайда! Я сразу о нем подумала, едва увидела тело Молли Кин. Вспомните, он же был ассистентом моего отца и умел обращаться с хирургическими инструментами.

Холмс улыбнулся.

– Это интересное умозаключение, мисс Джекилл, и мне оно тоже приходило в голову. Вот почему я позволил вам присутствовать при допросах и участвовать в расследовании. Но заключение сделано слишком поспешно, вы не находите? В Лондоне наверняка немало невысоких хромых мужчин, которые умеют орудовать скальпелем, а Хайда здесь не видели со времени убийства Кэрью. Опасайтесь idée fixe: вы в последнее время много думаете о Хайде, так что вывод о его участии кажется вам очевидным. Но с этой концепцией связано слишком много проблем. Например, мы до сих пор не уверены, что он вообще жив.

– Кто этот Хайд? – вмешался Лестрейд. – Я должен добавить его в список подозреваемых?

– Странно, что вы не помните, – сказал Холмс. – Он был замешан в деле, о котором я упоминал, – в убийстве сэра Дэнверса Кэрью, члена парламента из либералов, в свое время его даже прочили на пост премьер-министра. Свидетельница опознала Хайда как убийцу, но когда полиция явилась его арестовать, обнаружили, что он бесследно пропал. И с тех пор о нем ничего не слышали, хотя мисс Джекилл на краткий миг показалось, что она напала на его след.

– Конечно, это же было столько лет назад, – несколько смущенно сказал Лестрейд. – Мне нужно перечитать тогдашние рапорты. И что, вы предполагаете, что этот Хайд снова может объявиться в Лондоне и убивать проституток?

– Это маловероятно, – сказал Холмс. – Хотя я никогда не исключаю маловероятных версий событий, пока не доказана их абсолютная невозможность.

– Мне казалось, предыдущие жертвы были горничные и продавщицы? – спросила Мэри. Разве не об этом кричали мальчишки-газетчики последние дни напролет?

– А, это версия для печати. На самом деле все убитые – так называемые ночные бабочки. Не думаю, что нам удастся долго скрывать эту подробность. Но представьте себе величину газетных заголовков, если откроется, что в дело замешана сексуальная сторона! А потом они переключатся на лондонскую полицию, обвиняя нас в том, что убийства до сих пор не раскрыты. Некомпетентность полиции – их любимая тема, – Лестрейд с печальным видом взъерошил усы.

– Вы всерьез думаете, что мой папаша расхаживает по городу и убивает шлюх? – спросила Диана – и прыснула громким смехом.

– Следите за собой, мисс, – встревоженно сказал Лестрейд. – Нам тут еще не хватало истерик в исполнении юных девиц.

– Мисс Хайд явно владеет какой-то информацией, которой она не прочь с нами поделиться, – заключил Холмс.

Диана прыснула еще громче.

– Джекилл умер, мисс Мэри это точно известно. А значит, умер и Хайд. Моя мама говорила, что Хайд – это всего-навсего другое имя Джекилла. Вроде маскировки, которую Джекилл использовал, когда не хотел, чтоб его узнали. Типа плаща на карнавал.

– Это невозможно, – возразила Мэри. – Я встречалась с Хайдом еще при жизни моего отца. И моя экономка миссис Пул его помнит. Он ничем не походил на отца.

– Ты хочешь сказать, что моя мама врала? – окрысилась Диана.

– Думаю, мы можем доверять свидетельству мисс Джекилл на этот счет, – сказал Холмс. – Ваша мать могла стать жертвой обмана. Хайд мог говорить ей, что он и есть Джекилл, чтобы она считала его джентльменом. Может быть, даже для того, чтобы пользоваться средствами Джекилла.

Лицо Дианы перекосилось от гнева, что ей не верили, и еще от чего-то – Мэри показалось, она видит гримасу ребенка, едва сдерживавшего слезы.

Диана: – Брехня.
Мэри: – Нет, я очень хорошо это помню.

– У моего отца было много тайн, – сказала Мэри. – Я точно не знаю, какого рода отношения связывали их с мистером Хайдом. Конечно, предположение Дианы совершенно невероятно – извини, – она коротко кивнула девочке, – но один человек не может просто так притвориться другим, если их внешность настолько различается. Хайд был на фут ниже моего отца. Однако несомненно, что в их отношениях была некая неизвестная нам тайна – иначе с чего бы моей матери материально поддерживать ребенка Хайда? Я понимаю, мистер Холмс, мое подозрение кажется вам надуманным, но описание полностью подходит под внешность Хайда. Я до сих пор помню этот его глухой хрипловатый голос, от которого мороз по коже. Мурашки, как сказала Кейт Кареглазка.

– Если есть хоть небольшая вероятность, что Хайд может быть здесь, я хочу знать об этом все, – сказал Лестрейд. – Нам на улицах Лондона свободно разгуливающие убийцы не нужны. Он еще за Кэрью не заплатил. Но все указывает на то, что он давно сбежал из страны – куда-нибудь в Австралию или Южную Америку.

– Почти наверняка вы правы, – согласился Холмс. – Тем не менее я попросил бы мисс Джекилл еще раз просмотреть бумаги ее отца. Мисс Джекилл, вы могли бы это сделать – и завтра доложить мне о результатах?

– Конечно, – ответила Мэри. Она и сама хотела перечитать отцовский журнал – на этот раз более тщательно. Там точно встречались какие-то упоминания о Хайде… Она только не могла вспомнить, в каком контексте. И что, позвольте спросить, она теперь собиралась делать с Дианой?

– Ватсон, не могли бы вы доставить дам к ним домой? Мы с вами увидимся на Бейкер-стрит, когда я закончу дела с Лестрейдом, – Холмс окинул взглядом всех присутствующих. Непонятно было, о чем он думает, но Мэри он казался… как ни странно, да, почти что довольным. Словно что-то забавное его развлекло.

– Идем, – сказала она Диане. Ей совершенно не хотелось тратить время на то, чтобы развлекать мистера Холмса. Она, конечно, была ему благодарна за допуск к расследованию, но в то же время и сердилась на него – сама не зная почему. – У меня сегодня еще много дел. А тебе нужно принять ванну.

– Ни за что, – сказала Диана.

– В ванну, или останешься без ужина, – отрезала Мэри, схватила Диану за грязную руку и потащила за собой. За ними двинулся доктор Ватсон, стараясь не улыбаться, в то время как Диана ругалась сквозь зубы и бросала на всех сердитые взгляды. Мэри нарочито игнорировала и то и другое. Нужно попросить миссис Пул заварить чаю покрепче – Мэри собиралась просидеть над бумагами всю ночь, если понадобится. Какие секреты там таятся? Что она упустила при первом прочтении? Она еще не знала – но твердо намеревалась узнать.

Глава V
Письмо из Италии

Выходя из кэба, Мэри уже с трудом могла поверить, что только что вернулась из Уайтчепела… что подобное место вообще существовало. Парк-Террейс была широкой тихой улицей, и единственным звуком, нарушавшим тишину, здесь были редкие удары копыт – лошадь кэбмена нетерпеливо перебирала ногами на месте. Каменные дома георгианской эпохи – Мэри никогда не могла запомнить, эпохи какого именно Георга, – рядами стояли по сторонам улицы, такие красивые и респектабельные. Над крышами и каминными трубами по другой стороне от резиденции Джекиллов виднелись верхушки деревьев Риджентс-парка.

– Шикарный районч‌ик, – одобрила Диана.

А вот и доказательство того, что Мэри действительно провела это утро в городских трущобах – грязная, потрепанная девчонка рядом с ней. Господи, что же ей теперь делать с этой Дианой?

Дверь открылась.

– Заходите скорее, – позвала миссис Пул. – Иначе простудитесь, не стойте так долго на мостовой…

Мэри обернулась поблагодарить Ватсона, который подал им с Дианой руку, чтобы помочь спуститься по ступенькам кэба.

– Что вы, не стоит благодарности, мисс Джекилл, – отозвался он. Он снова заплатил кэбмену, настаивая, что это деловые расходы, и это волновало Мэри. Он был слишком добр, а Мэри ненавидела чувствовать себя обязанной. Но пока она с этим ничего не могла поделать.

– Кроме того, это большое удовольствие – находиться в вашем обществе, – добавил он. – Присутствие при расследовании Холмса молодой дамы настолько острого ума, как у вас, очень освежает восприятие. Надеюсь снова увидеть вас завтра – кажется, в полдень, верно? Нам с Холмсом следует встретить вас здесь?

– Спасибо, – ответила Мэри, не зная толком, как воспринимать подобный комплимент. Ясно, что он сделал его не намеренно и сперва собирался сказать что-то другое. – Думаю, будет лучше, если мы сами прибудем к вам на Бейкер-стрит. В полдень, как договаривались, доктор Ватсон.

Ей очень не хотелось, чтобы Холмс – и Ватсон, конечно, – заходили к ней в дом и видели эти голые стены, полы без ковров, пустые места, где раньше стояли вазы с цветами или бюсты философов… Да, это гордыня, а гордыня – грех, но все же, все же…

– Пасиб, – буркнула Диана. – До завтра тогда.

Ватсон поклонился, безуспешно попытавшись скрыть улыбку, и ответил:

– И вам «пасиб» за прекрасную компанию, мисс Хайд.

После чего он развернулся и зашагал в сторону Мэрилебон-роуд.

– Пойдем, – сказала Мэри Диане, которая с интересом глазела на дом и на миссис Пул. – Если ты и дальше будешь пялиться, у тебя выпадут глаза.

Диана бросила на Мэри взгляд, который той еще предстояло в ближайшем будущем окрестить «тем самым», – полный раздражения и презрения. Однако все же последовала за Мэри – вверх по ступенькам, в парадный вестибюль.

Мэри: – Да, она постоянно награждает меня подобным взглядом!

Диана: – А ты просто попробуй бесить меня поменьше.

В вестибюле поджидал чемодан Дианы. Еще одна услуга, которую им безвозмездно оказал доктор Ватсон.

– Это доставили сегодня утром, – сообщила экономка. – Его привез зеленщик на тележке с овощами и сказал, что так велела мисс Джекилл, так что я попросила его оставить багаж у лестницы.

– Да, спасибо, миссис Пул, – Мэри позволила экономке принять у нее зонтик. – Я действительно его послала – сейчас понимаю, что стоило приложить к багажу записку, но мы очень спешили.

Она положила портфель с бумагами на столик, сняла макинтош и его тоже передала миссис Пул. Как же она устала! До сих пор Мэри этого не осознавала, но теперь вся тяжесть этого долгого дня разом навалилась на нее – к тому же, как заметил тогда Холмс, она и вправду не ела с самого завтрака.

– У нас гостья, мисс? – спросила миссис Пул, с сомнением разглядывая Диану – босоногую, с непокрытой головой. Прежде чем повесить макинтош себе на руку, экономка внимательно осмотрела его на предмет пятен.

– Это Диана, – представила девочку Мэри. – И ей срочно нужно принять ванну.

– Я не хочу принимать никакую ванну, – возразила Диана.

– Нет, хочешь, – сказала Мэри. – На самом деле тебе наверняка самой неприятно быть такой грязной. Просто ты любишь возражать. Миссис Пул приготовит тебе ванну, и я уверяю, она будет куда удобнее, чем все, что мог тебе предоставить приют Магдалины. А потом мы, думаю, пойдем пить чай. Если вы не возражаете, миссис Пул.

Диана ухмыльнулась.

– Уже понятно, что жить с тобой будет сплошным испытанием. Ты прямо как этот детектив. Говоришь людям, что они должны делать, а они подчиняются просто потому, что привыкли к приказам. Но я не из таковских.

– Это очевидно, – согласилась Мэри. – Тем не менее сейчас ты отправишься в ванну, потому что от тебя дурно пахнет, и я не хочу, чтобы ты в таком состоянии садилась на чистую мебель. До ванны никакого чая не будет.

– Пошли-ка, голубушка, – сказала миссис Пул. – Мисс Мэри говорит, в ванну – значит, в ванну. И пока ты находишься в этом доме, ты будешь обращаться к ней уважительно. Как и подобает говорить с леди. – Она взяла Диану за плечо и повела к лестнице.

– А я, по-вашему, кто – дерьма кусок? – возмутилась та.

– Пока ты настолько грязна – вроде того, – парировала мисс Пул.

Когда они удалились, Мэри сняла перчатки и шляпку и бросила их на столик. А потом снова взглянула на себя в зеркало. Лицо еще оставалось бледным, но щеки чуть порозовели от свежего воздуха. По правде сказать, она выглядела куда живее, чем перед визитом к мистеру Гесту.

Мэри забрала портфель с собой в гостиную. Стоит ли включить газовую лампу? Уже темнело, но Мэри не хотела расходовать газ без крайней необходимости. Она разожгла огонь в камине, где уже были сложены дрова – спасибо Богу за миссис Пул! Экономка, конечно, должна подыскать себе другое место… но Мэри не представляла, что она будет делать без нее. Как же тут будет одиноко… Она присела на диван, положив рядом портфель, и протянула руки к огню, чтобы согреться. Глядя в пламя, она думала о бедной девочке. Как же это все ужасно! Но Мэри не могла сдержать любопытство – ребенок был загадкой, а кому на свете не интересны загадки? Головоломки, которые можно складывать кусочек за кусочком…

Один из кусочков головоломки сейчас лежал рядом с ней на диване. Как вчера, девушка придвинула к себе чайный столик, положила на него портфель и начала вынимать из него содержимое – одно за другим: расчетная книга, лабораторный журнал, письма и рецепты. Это все, что осталось ей от отца, единственные ключи к тайне его жизни и смерти. Она разложила бумаги на несколько стопок. Ночью она уже просматривала их, но в основном занималась кни-

гой счетов, увлеченная возможностью, что Хайд остался жив и его можно отыскать. Теперь пришло время как следует покопаться в этом наследстве.

Предположение Дианы просто не может быть правдой. Но почему отец Мэри вообще нанял этого Хайда на работу – такого неприятного, пугающего человека? Как выяснилось, опасного преступника… И почему ее мать все эти годы поддерживала Диану материально? Она не хотела допрашивать Диану в присутствии Холмса и полицейских, это, в конце концов, было семейное дело, и Мэри намеревалась самостоятельно в нем разобраться. Каковы на самом деле были отношения между ее отцом и Хайдом? Совпадение ли, что состояние ее отца исчезло в то же время, когда пропал Хайд? Может ли тут быть замешан шантаж? И если да – то чем и кого шантажировали?

Она вспомнила, какой стала ее мать после смерти отца. Такой замкнутой, не желающей обсуждать свою совместную жизнь с доктором – и это еще до того, как ее коснулось явное безумие. Мэри тогда предполагала, что причина ее замкнутости – скорбь по мужу. Теперь она подозревала, что тут кроется что-то еще.

Бумаги. Нужно сосредоточиться на них. Мэри начала систематически разбирать каждую стопку, начиная с тех документов, на которые меньше всего внимания обратила вчера. Сначала письма. Мэри рассмотрела каждое, вынимая из конверта. Два письма были от «Моу и сыновей» – компании, поставлявшей ученым химикалии. На остальных трех письмах были иностранные штампы. Два она отложила в сторону и взялась за третье, из Италии. Мэри снова его перечитала, на этот раз более внимательно. Потом проглядела рецепты от «Моу и сыновей». Наконец она перешла к лабораторному журналу, уже зная, что собирается искать, и заранее боясь это обнаружить. Если бы только почерк ее отца не был настолько неразборчивым! Читать его записи было не легче, чем расшифровывать движения паука. Письмо из Италии давало ей ключ, на который она прошлой ночью не обратила внимания. Но сегодня у нее перед глазами так и стояла конкретная строка из письма, приобретая все более и более зловещий смысл: «Ученый не должен экспериментировать на себе самом». Чем же на самом деле занимался в лаборатории ее отец?

Это ведь не могло означать… Хотя Мэри чем дальше, тем сильнее казалось, что могло. Она снова просмотрела письмо, потом журнал, потом рецепты. И откинулась на спинку дивана, глядя на портрет матери на каминной полке и не видя его, – настолько ее захватили размышления. Ведь не может оказаться правдой то, что она себе напредставляла? Но по-прежнему никакого другого объяснения у нее не было.

– Ваш чай, мисс. – Мэри сморгнула, возвращаясь к реальности. Миссис Пул стояла над ней с чайным подносом в руках. – Не знаю, ели ли вы что-нибудь после завтрака, вот я вам и приготовила сандвичи с ветчиной и паштетом. Боюсь, на этом наши запасы ветчины закончились. Здесь должно хватить вам обеим, когда девчонка наконец вернется из ванной, то есть не раньше Второго пришествия! Как она вопила, что не хочет мыться, а теперь влезла в воду – и не желает оттуда выходить.

– Ее зовут Диана Хайд, – сказала Мэри. – Она считает себя дочерью Хайда. Это ее поддерживала моя мать, оплачивала ее содержание в… одном благотворительном приюте.

– Да что вы говорите! И в самом деле, она на него похожа – с этой своей жуткой ухмылкой, как чертенок, замысливший злодейство. А на злодейства ей характера точно хватит. Попробовала укусить меня за руку, когда я сажала ее в ванну – но я такое терпеть не намерена! Хотела бы я знать, кто была ее мать. Кто бы она ни была, она достойна жалости, бедняжка, – это же надо, связаться с таким чудищем, как Хайд. Пути мужчин неисповедимы, как всегда говорила моя матушка. Сама-то я замужем не была, слава тебе Господи. Куда мне поставить поднос?

– Ох, извините меня, – спохватилась Мэри. – Поставьте сюда, на буфет. Боюсь, я завалила столик бумагами. Не могли бы вы налить мне чашечку, миссис Пул? Не хочется вставать с места. А девочка рассказывает еще и не такое. Она утверждает, что Хайд и вовсе был не

человеком, а маскарадным персонажем, под личиной которого мой отец… посещал места, где ему было неприлично появляться. Хайд, таким образом, был его способом скрывать от мира часть своей жизни.

– Этого уж точно не может быть, мисс, – миссис Пул выглядела пораженной. – Они двое слишком сильно различались. Доктор Джекилл был высоким, статным джентльменом, а мистер Хайд – низеньким, кривым. Это невозможно, я вас уверяю.

– Вам когда-нибудь случалось видеть их вдвоем? – спросила Мэри. Ответ на этот вопрос решил бы проблему раз и навсегда.

– Если подумать, вроде бы нет, – задумчиво отозвалась миссис Пул, ставя поднос на буфет. – Но это же ничего не доказывает, верно? Может, мистер Хайд притворялся своим хозяином перед другими. Я бы этому не удивилась, особенно если речь заходила об оплате счетов.

Миссис Пул налила Мэри чашку чая.

– С лимоном и сахаром, как обычно. Я взяла на себя смелость положить два кусочка, видно же, насколько вы утомились за долгий день.

Мэри сделала глоток. Ах, вот так намного лучше… Конечно, ей следовало поесть в течение дня, но у нее просто не было ни минуты свободного времени – с визитом к мистеру Холмсу, потом с поездкой в Уайтчепел… И в довершение всего – труп бедной Молли Кин.

– Что вы помните о моем отце, миссис Пул? – спросила она. – Я ведь была совсем ребенком, когда он умер, – а он даже в моем детстве не проявлял особой отцовской любви. Конечно, он был ко мне добр, по крайней мере пытался быть добрым, но я всегда рядом с ним чувствовала себя неспокойно, слегка боялась его. Помню, как он учил меня таблице элементов и показывал, как пламя бунзеновской горелки меняет цвета в ответ на разные химикалии.

– Ну, он всегда был добрым джентльменом, как вы и сказали, – слегка нахмурившись, сказала миссис Пул. – Добрым даже к горничной, какой я тогда была. Еще от него странно пахло. Теми самыми его химикалиями, с которыми он постоянно экспериментировал у себя в лаборатории. Мой отец никогда не верил, что он покончил с собой. Хотя доктор, конечно, мог по ошибке проглотить какую-нибудь… химикалию и отравиться насмерть.

– Да, отравиться он мог, некоторым образом, – согласилась Мэри. И чуть помедлила, не уверенная, что стоит делиться своей идеей – вдруг это прозвучит глупо? Невероятно? Но ей необходимо было с кем-то поговорить, а миссис Пул она знала всю свою жизнь. Она заменяла ей мать, когда настоящая мать уже не могла выполнять своих обязанностей… – Эти документы намекают – даже напрямую указывают, – что мой отец проводил химические эксперименты. На себе самом. И один из этих экспериментов трансформировал его в Хайда. Маскировка была не физическим переодеванием в другого человека, когда надевают чужую одежду и парик, но настоящей химической трансформацией.

– Господи помилуй, – ужаснулась миссис Пул. – Как такое возможно?

– Я знаю, это звучит абсурдно, – продолжила Мэри. – Но взгляните хотя бы на это.

Она раскрыла лабораторный журнал на отмеченной странице и указала на параграф, написанный неразборчивыми отцовскими каракулями:

«Сегодня я выпустил наружу чудовище – Хайда. Он сильнее меня. Что он сделает, когда я больше не смогу его сдерживать?»

Прошлой ночью она еще полагала, что ее отец боролся с Хайдом. Теперь эти слова приобретали другое значение.

– И еще вот здесь, через пару страниц, – Мэри полистала журнал, пропуская научные заметки и формулы.

«Мое лицо в зеркале. Это чудовищно! Чудовищно! Он приобрел силу трансформироваться по собственному желанию, я не могу его остановить».

– И последняя запись.

«Все пропало. Все, все потеряно, я погиб».

– Не понимаю, – сказала миссис Пул.

Как Мэри могла объяснить? Это все звучало так дико, почти абсурдно, и сама она до конца еще не уверилась. И все же она попыталась.

– Почему вид собственного лица в зеркале мог внушить ему ужас? И взгляните, вот два письма от «Моу и сыновей» – поставщиков ингредиентов для занятий химией, – насчет какого-то порошка, который он у них заказал. В первом письме они сообщают, что подготовили к отправке вторую партию, а во втором извиняются, что средство не работает так, как ожидалось. Они предлагают денежную компенсацию, но уверяют притом, что состав второй партии совершенно идентичен первой. Что, если он периодически трансформировал себя в Хайда и обратно, а потом химическое средство перестало действовать? Что, если его заклинило в стадии Хайда? После чего он и покончил с собой.

– Но зачем бы доктору Джекиллу совершать такое? – спросила миссис Пул, похоже, совершенно не убежденная.

– Не знаю, – ответила Мэри. Неожиданно она почувствовала себя очень усталой. Ее версия событий нереальна? Нет, к сожалению, реальна. Просто маловероятна. На дворе девятнадцатый век, век науки. Кто может знать пределы возможностей естественного мира? Если гусеница способна трансформироваться в бабочку…

– Вы же сами говорили, что пути мужчин неисповедимы. Есть много причин, по которым мужчина, в том числе джентльмен, может захотеть замаскироваться. Например, чтобы посещать притоны курильщиков опиума. Или ходить к проституткам. Или совершать убийства, оставаясь безнаказанным. В общем, чтобы делать вещи, которых не ожидают от джентльменов. Возможно, мой отец был совсем не таким, как мы его помним.

– Вы тут без меня начали, – послышался голос Дианы. В сравнении с тем, как она выглядела совсем недавно, она поистине сияла чистотой. Мокрые волосы были зачесаны назад, и голова казалась гладкой, как у морского котика. На девочке была надета чистая белая ночная рубашка, некогда принадлежавшая Мэри. Порез на ее руке был аккуратно забинтован.

– Я не знала, что тебе может захотеться копаться в старых бумагах, – сказала Мэри.

– Мне и не хочется. Но я хочу знать, что вам удалось накопать, – Диана схватила с подноса сандвич с ветчиной и, жуя, плюхнулась на другой край дивана, подтянув под себя босые ноги.

– Подставь под еду тарелку, – велела миссис Пул.

– Тебе полагается называть меня «мисс», – отозвалась Диана.

– Я назову тебя «мисс», когда ты будешь этого заслуживать, – фыркнула миссис Пул. – Я ее разместила в старой детской, мисс, – пояснила она Мэри. – Ее одеждой я собираюсь заняться завтра – хотя больше половины этих платьев в совершенно неприличном состоянии.

– Сама ты неприличная! – Диана разом запихала остатки сандвича в рот.

– Диана, если ты не будешь вежлива с миссис Пул, твоя жизнь в этом доме не будет приятной, – пригрозила Мэри. – Она готовит для нас, прибирает наши комнаты и вообще заботится о том, чтобы мы жили в уюте. Хотя если я в скором времени не придумаю, где достать денег, ей придется подыскать себе другого работодателя, и нам придется самим о себе заботиться.

– Я вас не оставлю, мисс, – возразила миссис Пул. – Я в этом доме живу с ранних лет и покидать его не собираюсь, неважно, можете вы мне платить или нет.

– А я думала, ты богатая, – разочарованно сказала Диана. – Только удивилась, почему по стенам не висят картины и почему полы почти везде голые. А еще у тебя дырки в диване, – она просунула большой палец в дыру на диванной обшивке.

– Как видишь, я не богатая, – сказала Мэри. – И прекрати это – ты только увеличишь дыру. После смерти моего отца мы с матерью обнаружили, что его состояние исчезло, а материнский доход обеспечивал нас только при ее жизни. Теперь его тоже нет. И даже деньги, которыми она предполагала оплачивать твое пребывание в «Магдалине», почти закончились. –

Двадцать три фунта. Она собиралась поехать в банк сегодня утром, после визита к мистеру Холмсу, но в итоге оказалась в Уайтчепеле. Значит, нужно отправляться завтра, прямо к открытию банка. – Когда же и эти средства иссякнут, и мне, и тебе, и миссис Пул будет не на что жить. Я продала все ценное, что имелось в этом доме, чтобы оплатить уход за матерью, потому что ее дохода не хватало. Я даже пыталась продать сам дом, но на него не нашлось покупателя. Сейчас времена экономического кризиса – не думаю, что ты понимаешь, что это такое, потому что вряд ли держала в руках газету. А еще я не могу найти себе работу, я не гожусь даже в няньки для детей. Так что не осталось ничего. Я думала, если мне удастся обнаружить Хайда, претендовать на награду за его поимку, но если ты права и Хайд и мой отец – это один и тот же человек, он умер четырнадцать лет назад. А сейчас ты будешь себя вежливо вести с миссис Пул. Разумеется, если не хочешь спать в чулане при судомойне.

Диана долго смотрела на Мэри, потом перевела взгляд на миссис Пул. И наконец сказала:

– Большое спасибо за ванну.

После чего она ухмыльнулась, как обезьяна, но Мэри все равно осталась пораженной – таких слов она совсем не ожидала услышать из ее уст.

– Пожалуйста, – недоверчивым тоном ответила миссис Пул. – Вам еще что-нибудь нужно, мисс?

– Нет, спасибо, – отозвалась Мэри. – Но, если понадобится, я позвоню.

Когда миссис Пул ушла, Мэри принялась молча перечитывать письмо из Италии. Диана жевала очередной сандвич, не трудясь прикрывать рот. Наконец она спросила:

– А это еще что такое?

– Ты способна немного помолчать? – спросила Мэри.

– Конечно, способна, еще как, – ответила Диана. – И буду сидеть тихо, как мышка, если это тебе поможет обратить внимание на печать.

– Какую печать?

Диана ткнула пальцем в один из конвертов на столе. Он был запечатан красным воском. На воске были оттиснуты две литеры: S.A. В том же самом стиле, что и на печатке для часов, которую забрали из рук мертвой Молли Кин.

Мэри на миг потеряла дар речи. Потом выговорила:

– Как я могла не разглядеть?

Теперь она уже ясно видела, что та же печать помечает и второй конверт. Два письма – и две одинаковые печатки.

– И что значат эти буквы? – спросила Диана.

– Представления не имею, – Мэри вытащила одно из писем из конверта и протянула Диане. – Посмотри сама.

Девочка нахмурилась.

– Это что, какой-то тайный код?

– Нет, это латынь. Но я не могу прочесть. Я начинала учить латынь с мисс Мюррей, но вскоре моя мать так разболелась, что я не могла больше позволить себе гувернантку. Все, что я сейчас могу вспомнить, – это «Carthago delenda est». Оба эти письма на латыни, а штампы на них – из Будапешта. Кто мог писать моему отцу из Будапешта на латинском языке? Остальные письма понятнее – два из них от Моу, про химикалии, которые отец у них заказывал, и еще одно из Италии – и оно, слава Богу, на английском.

– И что в нем написано? – спросила Диана.

Мэри искоса взглянула на нее, вздохнула – и принялась читать вслух:

– «Дорогой Джекилл,

Рад слышать, что ваши эксперименты протекают успешно. Я по-прежнему уверен, что мы с вами двигаемся в верном направлении. Важнейшее место на научной арене нашего века, без сомнения, будет принадлежать биологии, так же, как в прошлом веке первенствовали

химия и физика. Дарвин указал нам путь, хотя сам он и не видит дальше своего носа! (Я слышал, впрочем, что нос у него достаточно длинный – хотя этой длины и недостаточно, чтобы рассмотреть истину.) Мы должны продвигаться дальше, в области, которых Дарвин и представить себе не мог. Трансмутация, а не естественный отбор, – вот двигатель эволюции. Бог – великий алхимик, а не унылый инкрементalист вроде синьора Дарвина! Мы еще покажем научному сообществу, верно, мой дорогой друг и коллега? Только те, кто дерзает, способны менять историю человечества и проливать в наш темный мир свет познания.

Я рад доложить вам, что моя Беатриче процветает. После ряда небольших неудач, вынуждавших меня возвращаться к уже пройденным этапам, причиной чему, я полагаю, были ошибки с дозировкой, она снова здорова, как молодое растение, – хотя должен признать, несколько месяцев назад я не на шутку боялся ее потерять. Но она быстро восстановилась, и я никогда еще не видел более солнечного ребенка, нежели она. Как она радостно играет в саду! Я решил, что ботаника – наиболее подходящая для нее область образования, и я действительно считаю, что у нее от природы научный ум, хотя и, конечно, женского типа. Она не может воспринимать растения так же отстраненно, как я, но видит в них, так сказать, своих сестер. Она печалится, что не может играть с насекомыми, особенно же с бабочками – ее дыхание убивает их почти мгновенно.

Наш коллега Моро был прав в своем заключении, что женский мозг куда более пластичен и податлив, что делает его предпочтительным для наших экспериментов. Я восхищен его опытами, но, похоже, он никогда не удовлетворится достигнутым и намерен испытывать все новые и новые техники на новом материале. Как мне горько, что невежество и косность научного сообщества вынудили его покинуть Англию! Он столь многого мог бы добиться, имей он доступ к ресурсам и финансированию медицинской школы. Однако на следующем собрании Société в Вене в следующем месяце его будет представлять Монтгомери, который выступит с презентацией его доклада. А вы собираетесь принять участие? Мне не терпится услышать подробности о ваших экспериментах в области трансмутации, хотя я и опасаюсь, дорогой коллега, что вы затеяли слишком опасное предприятие. Ученый не должен экспериментировать на себе самом. Ему следует оставаться бесстрастным наблюдателем, к тому же юные и пластичные мозги служат куда лучшим материалом для экспериментов. Насколько помню, у вас есть дочь? Сейчас она, должно быть, уже достаточно подросла, чтобы участвовать в процессе, в каком бы направлении вы ни решили продвигаться.

Прошу вас, непременно дайте мне знать, будете ли вы представлять свой доклад в Вене. Я, конечно, не молодею, но ради вас готов подвергнуться тяготам путешествия.

С наилучшими пожеланиями,

Джакомо Раппаччини».

– Ничего не поняла, – сказала Диана.

– Я тоже поняла немного, – ответила Мэри, снова разглядывая конверт. – Отправитель – доттор Джакомо Раппаччини, обратный адрес – Падуя. Ничего похожего на S.A. И на конверте нет печати – виден кружок на месте, где она была, и остаток красного воска, но сама печать, наверное, отвалилась, когда вскрыли конверт. И все эти намеки на Дарвина, трансмутацию, научные эксперименты… Хотя они вполне укладываются в мою теорию.

Мэри помолчала, задумчиво глядя на конверт.

– Ну и? – сказала Диана. Она подождала, потом встала и пошла к буфету, где сгребла все оставшиеся сандвичи себе на тарелку. Потом она налила себе чаю, положила четыре с горкой ложки сахара и оттащила все это обратно к дивану. Поразмыслив, она поставила тарелку с едой на пол, села на диван, поджав ноги, и обтянула коленки ночной рубашкой. – Собираешься ты рассказать свою теорию или нет?

Мэри нехотя изложила ей все то, что уже выслушала от нее сегодня миссис Пул: возможность химической трансформации, которую ей так не хотелось признавать… Вероятность, что ее отец и Хайд в самом деле являлись одним и тем же человеком. В конце концов, термин «трансмутация» означает нечто подобное. Трансформацию почтенного джентльмена в негодяя, подозреваемого в убийстве…

– Посмотри сама, – она передала Диане лабораторный журнал и открыла его на нужных страницах.

– Ну да, так и есть, – сказала Диана невнятно – рот ее был плотно набит хлебом и паштетом. – Я же тебе сразу сказала. Ты моя сестрица.

– Все не так просто, – возразила Мэри. – Я не уверена, что в письме говорится именно об этом эксперименте. Может, в журнале описан совсем другой случай.

– «*Он приобрел силу трансформироваться по собственному желанию, я не могу его остановить»,* – вслух зачитала Диана, тыча в страницу пальцем, отчего на бумаге остались следы паштета. – Все же ясно как день, разве нет? Он выпустил наружу Хайда, и Хайд взял над ним верх. Тебе просто не хочется верить, что твой отец – убийца.

– Конечно, не хочется! – Мэри отобрала у нее журнал и постаралась стереть паштет, хотя жирное пятно все равно осталось. – Что бы ты почувствовала, узнай ты такое про своего отца?

– Сама не знаю, – сказала Диана. – Его, в общем, и так подозревают в убийстве. Но вообще-то я всегда и так думала, что он тот еще ублюдок. Иначе стал бы он бросать мою маму? Она умерла в госпитале Святого Варфоломея, и ее бросили в общую могилу с другими пациентами, умершими за неделю, чтобы поскорей подготовить ее кровать для другой больной. Так что я никогда не была высокого мнения о *нашем папаше*.

– Ты не должна так говорить, даже если это правда, – возразила Мэри. – Не следует судить людей, не понимая всех причин и обстоятельств их поступков. Все эти сложные материи о Дарвине и Моро – это еще один ученый, думаю, такой же, как доктор Раппаччини. И об их экспериментах…

Диана фыркнула.

– Очень мне надо их всех понимать. Как по мне, наверняка они все – просто сборище ублюдков.

Дверь раскрылась, и на пороге появилась миссис Пул.

– Мисс Мэри, не нужно ли вам чего-нибудь? Вы хотя бы поели сандвичей – или все досталось этой разбойнице?

– Не думаю, что у меня сейчас получится что-то съесть, миссис Пул, – сказала Мэри устало, проводя рукой по волосам. – Вы не знаете, почему моя мать решила сохранить именно эти документы?

– Наверное, хотела, чтобы они дошли до тебя, – вместо экономки ответила Диана. И принялась за третий сандвич.

– Хотя мне не льстит соглашаться с *мисс* Дианой – и я тебе не позволю съесть все сандвичи, неважно, что там сказала мисс Мэри про свой аппетит, – она, я думаю, права. Мистер Аттерсон сжег все бумаги вашего отца после его смерти. Может быть, ваша матушка сохранила несколько документов в надежде, что однажды вы их прочтете.

– Я давно размышляла над тем, что именно… свело ее с ума, – Мэри все-таки смогла это выговорить. Потому что именно это и произошло с ее матерью, не так ли? – И вот оно… Ее собственный супруг превратился в чудовище. Это многое объясняет. – Мэри снова провела рукой по волосам и рассеянно попыталась заколоть булавками выбившиеся пряди, щекотавшие ей шею.

– Это просто ужасно, мисс, – признала мисс Пул.

– Это письмо прислал из Италии какой-то доктор Раппаччини. Вам никогда не приходилось слышать его имя, миссис Пул? Думаю, они с моим отцом вели регулярную переписку.

Миссис Пул наморщила лоб.

– Я совершенно точно встречала это имя. Вопрос только, где именно? – она помолчала пару секунд. – Сейчас, сейчас, я почти вспомнила… Конечно же, на кухне! Я вернусь сей же миг, – она выскочила из гостиной, не закрыв за собой дверь. Мэри и Диана недоуменно переглянулись. На кухне? Диана пожала плечами.

Через минуту миссис Пул и правда вернулась, неся с собой свежую газету.

– Вот оно! – торжествующе заявила она. – Боже, до чего тут темно. Почему вы до сих пор не включили газ? Я сейчас включу, и тогда вы сами посмотрите… Да, так много лучше. Вот: «Беатриче Раппаччини, Красавица, которая дышит ядом. Выходы на публику – в 10.00 и 12.00 по средам и пятницам, Королевская коллегия хирургов. Бесплатный вход предъявителям этого объявления, желающим поучаствовать в демонстрации научного чуда. Плата для остальных: 1 шиллинг за взрослого, 6 пенсов – за ребенка. – Я собиралась попросить у вас в пятницу выходной и пойти ее посмотреть.

– Дышит ядом, надо же! – восхитилась Диана. – Вот бы мне так уметь!

– Беатриче Раппаччини, – повторила Мэри. – Кажется, так звали девушку из письма. Миссис Пул, вы правы, мне срочно нужно что-нибудь съесть. Конечно, берите выходной в пятницу, да и в любой другой день, когда пожелаете. Но мы с Дианой отправляемся посмотреть на это чудо прямо завтра, к 10 утра. Мы должны успеть обернуться к полудню, когда у нас назначена встреча с мистером Холмсом и доктором Ватсоном.

– Он на тебя глаз положил, – с усмешкой сообщила Диана.

– Разумеется, ничего подобного, – раздраженно ответила Мэри.

– Тогда почему он так старательно помогал тебе вылезти из кэба, «мисс Джекилл»?

– Ах, ты о докторе Ватсоне! Что же, я думаю, это не так. Передай мне сандвич – ты же себе забрала все до единого! Ты знаешь, что так ведут себя гуси? Едят и едят, пока их не начинает тошнить.

Мэри взяла сандвич у Дианы с тарелки и откусила кусочек. Паштет, не ее любимая ветчина, но тоже сгодится. Внезапно она осознала, насколько же сильно проголодалась.

– Миссис Пул, можете налить мне еще чашку чая – а также налить чая себе? Думаю, нам придется еще какое-то время бодрствовать. Да, я знаю, знаю, что вам еще предстоит мыть посуду, и подметать, и гасить плиту. Но бога ради, присядьте хотя бы на минуту и послушайте меня. Я знаю, что вы сами бы ни за что не спросили, но я хочу вам рассказать, как прошел мой сегодняшний день.

С видимой неохотой миссис Пул заняла одно из кресел у камина и сложила руки на коленях, ожидая рассказа. Мэри изложила – как можно более кратко – события дня, от момента, когда она постучала в дверь дома 221б по Бейкер-стрит, и до того, как Ватсон снова доставил их на Парк-Террейс.

Диана: – И она, конечно, должным образом ужаснулась, что ее драгоценная мисс Мэри вот так весь день болталась по Лондону. До сих пор помню, как она на тебя пялилась.

Мэри: – Я тоже это помню! Но притом вы не сказали ни слова, миссис Пул.

Миссис Пул: – Я знаю свое место, мисс Мэри. Вы, юные леди, вольны поступать как вам вздумается, что бы я об этом ни думала. И как бы меня это ни ужасало.

– Как видите, – Мэри протянула миссис Пул итальянское письмо, – мой отец был ученым. Он участвовал в серии экспериментов – не один, таких ученых было несколько. Как минимум еще Раппаччини и Моро.

– Не забудь, там был еще какой-то Дарвин, – вставила Диана.

– Ах, боже мой, – вздохнула Мэри. – Ты что, никогда не слышала о мистере Дарвине? Они что, вообще ничему вас не учили в «Магдалине»? Впрочем, это неважно, я позже тебе объясню. Смысл в том, что отец был вовлечен в серию экспериментов и в процессе научился трансформировать себя в Хайда. В качестве Хайда он убил сэра Дэнверса Кэрью. Я думала, что Хайд – убийца Молли Кин, но теперь вижу, что это невозможно. Если он был моим отцом, значит, Хайд мертв и между убийствами нет никакой связи – кроме этого. – Она указала на печать, украшавшую два конверта.

– И что мы теперь намерены делать? – спросила Диана. – Искать, что значит S.A.?

– Да, хотя на данный момент у нас нет никаких идей. Почему мой отец получал письма на латыни с печатью S.A.? Имеет ли это отношение к его экспериментам? Завтра нам нужно поговорить с Беатриче Раппаччини. А сегодня, Диана, я хочу, чтобы ты рассказала нам все, что тебе известно о Хайде.

Мэри откинулась на спинку дивана. Они с миссис Пул выжидающе воззрились на девочку.

Глава VI
История Дианы

Диана, в свою очередь, уставилась на Мэри и миссис Пул.

– Откуда мне знать хоть что-нибудь про Хайда? В смысле, про моего папашу? Он же умер до моего рождения.

– Но тебе рассказывала о нем мать, – сказала Мэри. – Это ведь она говорила тебе о его связи с моим отцом. А о чем еще она говорила? Попробуй вспомнить, все это может оказаться очень важным.

– Черт побери, – вздохнула Диана, запихивая в рот остатки сандвича и одним глотком допивая чай. Наконец, покончив с едой, она откинулась на спинку дивана и начала: – Мама рассказывала, что он был настоящий джентльмен, что у него даже есть счет в Банке Англии. И хороший дом в Сохо, обставленный по-джентльменски, с картинами по стенам. А еще она его очень боялась, до самого конца. Он всегда рассуждал о жизни и смерти, о том, как возвращать мертвых обратно к жизни. Она думала, что он увлекается этим, как его, спиритуализмом.

– Разве возможно вернуть мертвого обратно к жизни? – спросила Мэри. – Ты говоришь о призраках – или о трупах?

– Я откуда знаю? – Диана посмотрела на тарелку на полу, но та была пуста. – О трупах, наверное. Да, он говорил, что, если правильно применять химикалии, можно вернуть к жизни труп. Если, конечно, покойник помер не очень давно. Он рассказывал, что такое уже проделывали с лягушками.

– С лягушками? – удивилась миссис Пул. – Ужасное, нечестивое занятие!

– Зачем вообще кому-то может понадобиться оживлять дохлую лягушку? – Диана пожала плечами. – А я еще не наелась. Мы закончили с разговорами?

– Ради всего святого, Диана, – взмолилась Мэри. – Это все очень важно. Давай вернемся к самому началу. К началу в прямом смысле слова. Расскажи мне все, что знаешь.

Диана: – С какой радости я должна писать эту часть? Ты же автор, ты и пиши. Остальное же ты пишешь. А потом скажи всем, что это я написала. Авторы ведь всегда так поступают.

Кэтрин: – Мы договорились работать именно так. Каждая из вас пишет свою собственную историю, а я объединяю все вместе и придаю им верное звучание, чтобы получилось цельное повествование.

Диана: – Ладно, тогда почему это я первая? Пусть Мэри первая пишет.

Кэтрин: – Потому что вся эта история целиком – история Мэри. Ей нет нужды писать отдельную главу. А тебе придется это сделать, так что садись за стол и берись за дело. И не вскакивай каждые пять минут, чтоб со мной поспорить. Чем скорее ты начнешь, тем скорее закончишь.

Диана: – Только не ждите, что я буду писать эти все «Он сказал», «Она ответила», и разные там описания тоже не для меня.

Кэтрин: – Пиши как хочешь. Только начинай уже наконец.

«Моя мать была наследницей престола Богемии, утраченной во младенчестве. Ее похитил из колыбели один священник, которого подкупил ее дядя-злодей, который хотел узурпировать трон. Он стал регентом королевства после загадочной и безвременной смерти своего брата, ее отца. Злодей хотел убрать с дороги законную, хоть и маленькую наследницу и захватить корону. Подлый священник ночью вынес ее из дворца и передал своим сообщникам, тоже

священникам, потому что всем известно, что все священники – подлые вруны. Они переправили ее за границу в соседнюю страну, которая рядом с Богемией. Где, кстати, эта Богемия вообще? Ну, неважно. Сперва они везли ее в экипаже, потом на корабле, и наконец прибыли в Англию, где продали малышку семье бедняков…»

Кэтрин: – Диана, если ты сейчас же не выбросишь этот бред и не начнешь с начала, я тебя укушу.

Диана: – Ну попробуй!

Мэри: – Ты правда хочешь ее спровоцировать? Не забывай, мы говорим о Кэтрин.

Кэтрин: – И пиши, пожалуйста, в том стиле, в котором ты говоришь. А не в стиле твоих любимых ужастиков по пенни за штуку.

Диана: – Ну ладно, ладно. Хотя не вижу, чем мои ужастики хуже твоих книжек. Ой! Ладно, все, это было не обязательно.

«Моя мать мало рассказывала мне о себе, хотя часто повторяла, что она коренная лондонка, рожденная под гудки пароходов, ходивших по Темзе. Это была ее колыбельная, так она говорила. Она была, я думаю, судомойкой, и все шло хорошо, пока она в пятнадцать лет не влюбилась в солдата. Это была большая ошибка, самая большая из ее ошибок, по ее словам. «Но я никогда об этом не жалела, солнышко, – добавляла она. – Нет, я никогда не жалела, что встретила моего Красавчика Джо». Так этого парня называли в полку. Он был шотландец из Глазго, по ее словам, красивее, чем ясный день.

А потом она в пятнадцать лет осталась с ребенком на руках, и отец вышвырнул ее из дома и велел ей идти спать под мостом вместе с другими шлюхами, такими же, как она. Она и пошла. И спала под мостами, пока ее ребенок не умер – от голода и болезни. Это был мальчик, и я всегда думала, когда сестры в «Магдалине» сажали меня в наказание на табуретку или били розгой по пальцам, как бы они все запели, будь у меня старший брат. Но мама тогда была еще молодая и красивая, с острым язычком и длинными рыжими волосами, как у ее матери-ирландки, так что одно из заведений возле порта с радостью ее приняло и регулярно ей платило. Вот там она и познакомилась с моим папашей, Эдвардом Хайдом.

Диана: – Вот теперь попробуйте мне сказать, что это грошовый ужастик! Потому что это все чистая правда!

– Расскажи нам все, что помнишь о нем, – Мэри подалась вперед.

– Это очень неприглядная, низкая история, – сказала миссис Пул, но тоже наклонилась, чтобы лучше слышать.

Миссис Пул: – Вовсе мне не хотелось это слушать!

Диана: – Если она будет меня перебивать, мне плевать, кто тут хочет кусаться. Просто не буду писать, и все.

Мэри: – Миссис Пул, не могли бы вы…

Миссис Пул: – Хорошо, но я тогда лучше пойду. Не хочу читать ничего, что может написать обо мне Диана. Ты неисправима, девочка моя.

Диана: – Конечно, неисправима. И чем скорей ты это осознаешь, тем лучше!

Заведением управляла миссис Барстоу, и в «Путеводителе по Лондону для джентльменов» оно описано как очень примечательное место высшего класса, где обслуживают только докторов, юристов и политиков. У заведения Барстоу была отличная репутация, там не пус-

кали на порог всяких разных торговцев, сколько бы денег они ни предложили. Девушки там были чистые и умели поговорить о последних новостях – миссис Барстоу нарочно выписывала для них «Таймс», «Файненшиал Таймс» и «Панч».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.